

18+

Сергей Андреевич Малай

МУТАНТ

Сергей Малай

Мутант

«Издательские решения»

Малай С. А.

Мутант / С. А. Малай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505258-2

Андрей Севрюков, главный герой романа в жизни совсем не герой. Совершенно обычный человек, познавший и радость побед, и горечь поражений, которые, как ему казалось, взяли верх над победами. Попытка начать новую жизнь в родных местах оборачивается для него жизнью настолько новой, что он и сам бы не поверил, что такое может быть. Андрей оказывается вовлечённым в борьбу двух могущественных цивилизаций и узнаёт, что мир устроен совсем не так, как думает большинство людей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-505258-2

© Малай С. А.
© Издательские решения

Содержание

МУТАНТ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мутант

Сергей Андреевич Малай

© Сергей Андреевич Малай, 2020

ISBN 978-5-0050-5258-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Малай

Научно-фантастический роман

МУТАНТ

Был тот недолгий утренний промежуток, который директор Мельниковского ДРСУ Александр Николаевич Холодов любил больше всего. Короткая планёрка во дворе закончилась и бригады рабочих вместе с прорабом уехали на объекты, а конторские женщины только устраивались за столами. Летнее южное солнце ещё не ударило всей своей мощью, от которой потом не было спасения ни во дворе, имевшем унылый вид из-за неисправной дорожной техники, ни в обсаженной деревьями и заплетённой виноградом беседке, ни даже в кабинете директора. Александр Николаевич не любил кондиционеров – от них среди жаркого лета вечно простуда. А вентилятор шумит и сдувает бумаги, если на полную мощность. Вот только в этот утренний послепланёрочный час и есть возможность посидеть в тишине и прохладе кабинета, обдумать свои невесёлые дела.

Дорожное ремонтно-строительное управление, сохранившее своё название ещё с советских времён, медленно умирало. И дело было не в том, что больших дорог в Мельниковском районе не строили уже лет тридцать. На ремонте уже имевшихся вполне можно было бы сносно прожить и даже нарастить некоторый производственный жирок. Но все более-менее выгодные заказы уходили местному филиалу дорожной компании из областного центра, которая была «близка к губернатору». Холодову, не имевшему высокопоставленных покровителей и потому не допущенному к распилу бюджета, оставались только крохи, которых едва хватало, чтобы не разбежались постоянные рабочие и организация не закрылась совсем. Закрыться ему не давали: распилил распилом, но иногда нужно было что-то и строить, и ремонтировать. Почти бесплатно.

О том, чтобы купить новую дорожную технику, не было даже речи. ДРСУ, как та Золушка, донашивало старьё за более привилегированными «сёстрами». Паша, главный механик, ужом вертелся, чтобы это старьё хоть как-то работало. Местные склады металлолома, куда попадали ещё кое-где оставшиеся от советских времён ржавые запчасти от машин и станков, стали его вторым местом работы. Когда-то городок Мельниково и немалая часть Мельниковского района были напичканы промышленными предприятиями и – слава советской бесхозяйственности! – это теперь позволяло находить в металлоломе вполне ещё годные детали. Конечно, поработать над восстановлением приходилось, но это же мелочь по сравнению с тем, чтобы купить, скажем, сравнительно новый гидроцилиндр для экскаватора, доживающего уже, наверное, третью свою жизнь в Мельниковском ДРСУ...

И вдруг в тишине кабинета совершенно ниоткуда раздались голоса. Холодов даже вздрогнул от неожиданности и огляделся, хотя точно знал, что в его кабинете в этот час посторонних не было и не могло быть. Мало того – они говорили на каком-то чужом языке, но, странное дело, Холодов понимал всё до единого слова.

– Ага, вот он, значит, какой. Вы уверены, что это то, что надо?

– Вне всякого сомнения, Ваша Светлость. Мы проверили на клонах не один раз. Это именно он.

«Какие клоны? – испуганно подумал Александр Николаевич. – Что это ещё такое?!»

Телевизоров в конторе не было ни у него в кабинете, ни за стенкой в бухгалтерии. Да и голоса звучали не из-за стенки или из коридора. Два человека разговаривали прямо здесь, рядом с ним.

– На клонах... Клоны – это ваши лабораторные забавы, – недовольно произнёс первый голос, явно начальник. – А мы начинаем большой проект в очень жёстких условиях.

– Ваша Светлость! Мой Орден служит вам не первую тьму лет. У нас бывали неудачи, но никогда мы не выдавали их за хорошо сделанную работу. Разве не так?

«Да что ж такое-то?! – Холодов в панике потряс головой, будто надеялся вытряхнуть из неё эти странные слуховые галлюцинации. – Это кино, что ли, какое-то включилось?»

– Так, Мастер, так. Не держите обиды. Вы же понимаете, что от этого зависит. И сколько мы к этому шли... Мы должны быть уверены, что это именно та мутация, что она устойчива, что она не будет поднимать волну при переходе... Мне самому трудно поверить, что такое вообще возможно на том уровне.

– Тем не менее, это оказалось возможно.

– Как же вам удалось его сконструировать?

– Мы его не конструировали, Ваша Светлость. Все наши конструкции не годились потому, что мы шли неверным путём. Но мы его обнаружили...

– Как не конструировали?! И что значит шли неверным путём? Откуда же он у вас взялся?

– Мы его нашли. Обнаружили, можно сказать, случайно. Там, где и не думали найти. На том самом уровне, где такого не бывает. А неверным был как раз путь направленных мутаций.

– Вы хотите сказать, что он не мутант?

– Именно так, Ваша Светлость. Он природный инфильтрант. При этом не подозревающий об этом своём свойстве. Он никогда не пользовался им осознанно.

– Но так не может быть! Он точно человек?

– Точнее точного, мы всё проверили. И это залог устойчивости его свойств. Он пройдёт инициацию и не потеряет ни доли своих способностей. Его клоны демонстрировали не только сохранение энергоматрицы, но и её усиление. Правда, не намного, но это всего лишь клоны.

– И Другие его до сих пор не обнаружили...

– Я думаю, они исходят из той же ошибочной веры в направленные мутации. И из того же убеждения, что на этом уровне ничего подобного быть не может.

– Как же вы его обнаружили?

– Энергоматрица активируется только в случае опасности для жизни. Такая опасность случайно возникла, наш офицер не менее случайно оказался рядом и почувствовал всплеск. И мы его уже не выпускали из внимания. Соблюдая все предосторожности, разумеется. Но на волю случая уже не полагаясь. Мы долго не могли понять, что он такое. Причина в том, что даже когда его энергоматрица активируется, она имеет какой-то необычный вид. Мы предполагаем, что это некая природная маскировка.

– Предполагаете или знаете?

– Знаем. Но только описательно. Свойства определены, но почему это стало возможным, мы не установили. Теории нет, гипотезы строить не на чем. Мы будем продолжать исследования уже по ходу дела. Более того, видя его в деле, я надеюсь, мы сможем собрать достаточно материала, чтобы нащупать хоть какую-то закономерность.

– То есть, мы его передаём нашим, сами не зная, что именно передаём!

– Не согласен, Ваша Светлость. Мы передаём его с гарантией, что он способен выполнить поставленные задачи. Это просчитано точно. А что обнаружится сверх того, посмотрим. У нас не было ничего подобного и без инициации просчитать дальше не способен никто. В лабораторных условиях мы вряд ли что установили бы, а создавать ситуации, провоцирующие всплески, на месте опасно – без инициации и постепенного включения способностей. Мы будем его контролировать, но он должен быть в деле. Это единственный возможный способ продолжить работу.

– А для нас – единственная возможность вернуть то, что всегда принадлежало нам. Время ожидания вышло.

На этом разговор, видимо, закончился. Голоса (не в голове, а в кабинете – в этом Холодов готов был поклясться) смолкли. Холодов не стал вдумываться в смысл разговора двух

невидимок. Несмотря на то, что понятно было всё сказанное, Александр Николаевич понимал и то, что никакого отношения всё услышанное к его настоящей жизни не имеет. Галлюцинация чистой воды! Им владел испуг и стойкое предчувствие чего-то неприятного, неизбежного и непоправимого. «А вдруг...?!» – навалилась парализующая сознание мысль.

Холодов вспомнил сумасшедшего старика-соседа из своего деревенского детства, который часто разговаривал с кем-то невидимым, иногда ругался и спорил, иногда смеялся, а бывало, что и плакал, глядя в пустоту. Дед был не агрессивен, к нему привыкли и не боялись, подшучивали над его забавным со стороны недугом. В остальном он был вполне нормальным: ел сам, мылся регулярно и выполнял привычные с детства работы по хозяйству. Но Холодов мучительно не хотел превратиться в подобного инвалида. И не хотел также бесследно пропасть, как однажды пропал тот старик. По спине Холодова разлилось какое-то неприятное ощущение – как будто там, где-то под кожей, поселился большой мерзкий слизень.

– Александр Николаевич, – без стука вошла в кабинет Наталья Ремезова, главный бухгалтер и начальник отдела кадров по совместительству, – тут к нам человек на работу пришёл... не знаю, что делать даже...

Холодов прервал свои размышления, взял себя в руки и вопросительно посмотрел на опытную и уже начавшую по-бабьи полнеть женщину. Она работала в ДРСУ лет пятнадцать и с кадровыми вопросами обычно справлялась сама.

– Журналист бывший, – пояснила своё затруднение Наталья. – Хочет работать машинистом катка. Мы же объявление давали в газету. В трудовой у него есть такая запись, работал когда-то по четвёртому разряду. Вроде на бухарика не похож...

Холодов задумался. Подсылать к нему нарочно какого-нибудь «казачка» для газетного скандала смысла не было – отнять-то нечего, должность незавидная, способных выживать в нищете руководителей раз-два и обчёлся... Нет, не подстава. И явился ни свет ни заря – хочет работать.

– А ну, позови его.

– Заходите! – крикнула в дверь директорского кабинета Наталья.

Мужуку на вид было лет сорок. Одет скромно, но аккуратно. Очки в старой, явно уже отремонтированной оправе. Холодов почувствовал, что рад этому раннему гостю уже потому, что это давало ему возможность вернуться в привычный мир своих проблем и надежд, переключиться на них со страха, вызванного внезапной звуковой галлюцинацией.

– Присаживайтесь, – сказал ему Холодов. – Работали в дорожном строительстве?

– После армии. Потом поступил в университет и уехал отсюда. Недавно вот вернулся.

– А что в местную газету не пошли?

– У них там своих хватает. Да я и не хочу.

Последняя фраза была сказана таким тоном, что Холодов прекрасно понял, почему он не хочет. Холодов и сам бы не пошёл, даже если бы имел склонность к писательству.

– Но у нас зарплата маленькая. А зимой вообще тысяч шесть-семь, не больше. Правда, и выходить на работу зимой каждый день не нужно, – сказал он. И тут же подумал: «Что это я про зиму – он и месяца, может, не протянет, уйдёт».

– Я знаю. Меня устраивает.

«Прижало мужика, – мысленно посочувствовал Холодов. – Таких сейчас хватает...».

– Ну, смотрите сами... Подождите механика, он скажет, что делать.

Паша приехал через полчаса.

– Там это... мужик на работу пришёл, в коридоре сидит. Журналистом работал, а к нам на каток просится. Возьми на испытательный срок, – сказал ему директор. – Пусть пока в мастерской потусует. Может, и правда приживётся...

На работу я шёл без всякого волнения и надежд, которые обычно человек испытывает, устраиваясь на новое место. Все мои эмоции остались в прошлом. С журналистикой, которая когда-то была для меня любимым делом, в которой я кое-чего существенного достиг, было покончено не потому, что я не смог или устал – напротив, в самом, что называется, расцвете моих творческих сил журналистика умерла. Оставшиеся немногие островки свободы либо влачили жалкое существование и никого нового нанять не собирались, либо были под чьим-то патронажем и нанять тоже никого не собирались. Пропаганда и лизоблюдство, которые пришли на смену покойной, мне всегда были не по душе. Я, было, занялся бизнесом, но и тут после шести лет роста наступил крах. Наверное, виноват был я сам – не смог перестроиться, приспособиться, научиться куда надо сколько надо заносить... В общем, пришлось распродать и раздать небольшую торговую сеть, начавшуюся с одного киоска. Шесть лет труда коту под хвост. А был ещё и развод с женой... тоже по моей, конечно, вине. В итоге я вернулся в родную глухомань на подержанной иномарке без денег, без семьи и поселился в отцовском доме. Батя, державшийся молодцом лет до семидесяти, сильно сдал и мои более молодые руки в доме были не лишними. Но не сидеть же у него на шее – пенсия не безразмерная, а остатки моих средств подошли к концу ещё вчера, если не позавчера. Большие города стали мне чужими, а в родном маленьком с работой было вот так – тысяч 12—15 в сезон. Куда ни сунься, одно и то же. Какие уж тут эмоции...

Хотя сама по себе работа в дорожном строительстве мне нравилась – когда-то, ещё молодым парнем, я в таком же ДРСУ насобачился лихо закатывать асфальт, и неплохо по тем временам зарабатывал. И официально, и, скажем так, сверхурочно. Вспомнить молодость? Почему нет, если попалось такое объявление в газете и меня взяли на работу?

Однако сесть на каток мне не удалось. Главный и единственный в ДРСУ механик Паша, крепкий мужик моих примерно лет, у которого деревенское детство написано было на лице, без обиняков в первый же день предложил мне стать экскаваторщиком.

– Понимаешь, найти сейчас толкового экскаваторщика – проблема, – развёл он базар, пока вёл меня к первому рабочему месту – мастерским.

«Ага, пойдёт к вам на 15 тысяч толковый экскаваторщик, – мысленно усмехнулся я. – Тут уж что уж, как не понять».

– ... а работа получше, чем на катке. Экскаваторов в городе всего два. А надо кому-то котлован под дом выкопать, кому-то ещё что – в общем, дело прибыльное. Заказы я сам найду, твоё дело – работать. А это реальная денежка, понимаешь?

Я понимал. Когда в молодости работал на катке, было то же самое. Кому-то надо было двор заасфальтировать, кому-то возле двора... И это была тоже денежка. Лёха Рубан, бугор бригады алкашей, к которой меня с катком временно прикрепили, заказы искал сам и честно отстёгивал мне мою долю. Даже когда я ничего не делал, а ему удавалось пихнуть налево машину асфальта, он приносил полагающуюся мне купюру и молча клал в карман рубашки. А уж когда левых заказов не было, а асфальт был, мы благоустраивали городские тротуары, школьные дворы и прочие общественные места за зарплату и премию. Так что в принципе я готов был и котлованы рыть, если надо. Проблема была в том, что на экскаваторе я даже в кабине ни разу не сидел.

– Да ты не переживай, научим! – светился оптимизмом Павел Александрович, как его уважительно в глаза называли рабочие.

В общем, я согласился. Оказалось, что есть и вторая проблема: экскаватор не на ходу. Мягко говоря. И как назло именно сейчас, когда подвернулся хороший заказ – строить дорогу к новому высокотехнологичному свиарнику у чёрта на куличках. В нашем случае кулички находились километрах в сорока от райцентра. Землю выкупила какая-то крупная фирма, принадлежавшая московскому олигарху, которая намеревалась завалить страну дешёвым отечественным мясом. Поскольку дело не касалось давно попиленного бюджета, заказ через содей-

ствие каких-то важных людей достался ДРСУ, а не другой организации. Редкая удача! И тут такой удар судьбы – поломался экскаватор. Прямо вот никогда такого не было и вдруг опять...

Половину помещения мастерских занимала часть экскаваторной стрелы, на которую предстояло поставить гидроцилиндр. Не новый, а другой – купленный Пашей (как его за глаза называли рабочие) на чермете по цене, естественно, металлолома. Гидроцилиндр надо было восстанавливать, менять поршни и прочую дребедень. Но почти вся дребедень была уже в наличии, ибо Паша своё дело знал хорошо. Где что достать, точно знал хорошо. Как инженер он тоже был неплох: лепить черт знает из чего работающие механизмы – это вам не мелочь по карманам тырить.

Непосредственно лепить приходилось старому токарю Вите (тоже инженеру с высшим образованием, подавшемуся в рабочие за неимением других вариантов) и молодому сварщику Валере, пришедшему в ДРСУ в ходе текучки кадров за день до меня. Если Паша всё-таки не мог достать какой-нибудь железячки, исчезнувшей вместе с советским прошлым, Витя просто вытачивал на токарном станке её подобие. Токарь и сварщик были постоянным составом мастерских, а помогал им традиционно водитель той кобылы, которая в данный момент находилась у них в реанимации. Или они ему помогали. Так что стрела экскаватора и была моей первой работой.

Рядом возрождал дисковую косилку тракторист Саня – белобрысый добродушный мужик лет тридцати пяти, старавшийся в обед перехватить стаканчик чего-нибудь повеселее воды. Саня обычно косил траву на обочинах внутрирайонных дорог, за состояние которых отвечало наше ДРСУ.

Но прежде чем мне заниматься стрелой экскаватора, а Сане косилкой, обоим пришлось переключиться на срочный аврал – восстановить полностью убитый трактор «Беларусь», стоявший во дворе, судя по виду, всю вторую половину своей трудовой биографии. Первую половину, к гадалке не ходи, он пытался увернуться от снарядов и бомб в какой-то горячей точке. А может, его поднимали на вертолёте и сбрасывали на головы врагов. Но тоже неудачно, всё время попадая на что-то твёрдое. Где его откопал и притянул в ДРСУ знаток металлолома Паша, догадаться было нетрудно. И теперь вместо выстраданного избавления от мук в горниле турецкой доменной печи трактору предстояло снова жить и работать. Для чего мы и затолкали его в мастерские.

Мы сделали всё, что было в наших силах, однако торжества тракторной жизни над его же окончательной смертью не получилось. Тогда Паша призвал на помощь свой спецназ – нанял на разовую работу знакомого пожилого дядьку из какого-то бывшего колхоза. Тот приехал с сыном. За пару дней и при нашей помощи типа «подай-принеси» эти двое раскидали несчастного по винтикам, посокрушались, что так и не поняли причину его недомогания, и собрали заново. После чего трактор, сволочь, завёлся и поехал. Я сам отогнал его на стоянку после того, как Саня мне показал, как у него включаются передачи.

Ещё пару дней тяжёлого и грязного труда заняло приспособление цилиндра к стреле моего экскаватора. Цилиндр, если и стоял когда-нибудь именно на экскаваторе, то другой марки. Но на то и кувалда, сварочный аппарат и прочие меры принуждения, чтобы там, где надо, работало то, что оказалось под рукой.

Вечерами я сидел в интернете и постигал устройство, принцип работы и приёмы управления экскаватором ЭО 4321. Учил, так сказать, матчасть. Сведений в мировой сети было мало – музейное дело у нас плохо развито. Но кое-что науглилось. Были, например, воспоминания советских экскаваторщиков, каким-то образом доживших до нашего времени и освоивших интернет. Читать было местами забавно, однако авторам и в голову не приходило рассказывать друг другу, как с помощью пары джойстиков и прочих кнопок-рычагов заставить эту конструкцию рыть землю.

Так или иначе, с теорией – как нагнетается масло в цилиндры и как они заставляют сгибаться и разгибаться «руку» экскаватора, я разобрался довольно быстро. Однако жизнь уже не раз учила, что чёрт кроется в деталях и что теория и практика это совершенно разные предметы. Я догадывался, что никто со мной, как с ПТУшником, возиться не будет. Некому и некогда. Поэтому волнение по мере приближения отправки на передовую нарастало. Не скажу, что оно было сильно тревожным. Не хотелось, конечно, в первый же день работы опозориться, однако и в мастерских оставаться, при всех положительных впечатлениях от общения с Витей и Валерой – нет уж. Раз я теперь экскаваторщик, покажите мне мой экскаватор.

Наконец мы выволокли трактором восстановленное колено стрелы, погрузили его на длинную автоплатформу и водила повёз его на место, а мы с механиком, закупив несколько канистр гидравлического масла, отправились вслед. На первое, можно сказать, свидание.

Полдня, сняв с основной работы погрузчик, который выполнял роль подъёмного крана, провозились с установкой в полевых условиях сегмента стрелы, подключением гидравлических шлангов и прочей интересной и полезной для мышц работой. Наконец, залили масло в бак, Паша сел в кабину, убедился, что стрела работает. Но ещё полдня мне пришлось мыть и чистить этот аппарат, уделанный глиной и всеми видами горюче-смазочных материалов. Человек, который работал на нём до меня, явно не заморачивался на эту тему. Под вечер я даже заикнулся насчёт покрасить ржавые бока этого ветерана советских строек, но механик посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и я эту идею выкинул из головы навсегда.

Утро следующего дня началось с обучения. Оно мне напомнило принятый в сельской местности способ учить ребёнка плавать. Паша в двух словах объяснил мне, где тут что включается-выключается, убедился, что я смог повернуть вправо-влево, поднять и опустить стрелу с ковшом, и отправил на карьер.

Ну, какой карьер? На окраине хутора Старокамышина, раскинувшегося в степи, километрах в семи от стоянки нашей техники, ДРСУ брало глину, которую на строившуюся дорогу возили наши же самосвалы. И мне предстояло найти это место, рыть там глину и грузить ею машины.

– Да, забыл! – крикнул Паша, когда я уже пошёл заводить экскаватор. – Там кабина в транспортном положении не фиксируется, так что ты смотри не прибей кого-нибудь ковшом, пока будешь ехать.

Как избежать этой неприятности, правда, не объяснил. «Ну ладно, небось не по МКАДу мчаться...» – рассудил я, глядя вслед удаляющемуся «опелю» главного механика.

Кабина действительно не давала расслабиться. Тем более, что, как на грех, навстречу то и дело появлялся какой-нибудь транспорт – если не наш грузовик со щебнем, то местный селянин на легковушке. Представьте поездку, при которой вам нужно не только рулить, но и постоянно джойстиком поправлять положение кабины и стрелы с ковшом, произвольно поворачивающей то вправо, то влево. Но за семь километров пути я как-то освоил этот странный стиль вождения и даже по неровной грунтовке проехал благополучно. И карьер нашёл по подсказкам местных жителей. Осталась самая малость – попрактиковаться копать и грузить глину.

К счастью, главный механик уже был на месте. А вместе с ним на месте же выстроились в очередь за глиной несколько самосвалов. Как я потом узнал, никто их не предупредил, что у нового экскаваторщика сегодня профессиональный праздник – он первый раз сел в кабину своего железного коня. Не особо исправного, но уже готового к дальнейшим приключениям. И что там механик рассказывает новому коллеге, каждый мог предположить сам. Возможно, они думали, что мы тестируем экскаватор после ремонта. Вообще-то шоферов волновало количество рейсов за день, а не мои проблемы и праздники. От количества сделанных рейсов зависела их зарплата. Но потом выяснилось, что одно с другим как-то связано.

Паша сел на место экскаваторщика, а я, презрев технику безопасности, устроился рядом с кабиной на платформе. Дверцу мы, естественно, не закрывали, чтобы я видел, что делает

механик. Нагрузив пару-тройку самосвалов, Паша вылез из кабины и уступил место мне. А сам отошёл на безопасное расстояние и стал с любопытством наблюдать, что из этого выйдет. Через полчаса он сел в свой «опель» и укатил в город.

Барахтался я, как утопающий, часа полтора. Потом дело пошло. Если не считать задетые ковшем кузова самосвалов, от чего машины заметно раскачивало. Впрочем, шофера не слишком удивлялись такому событию, из чего я понял, что оно случалось и до меня. Больше недовольства вызывало то, что работал я всё-таки медленно. Очередь из пяти-шести машин стала уменьшаться только ближе к вечеру, когда в моих движениях даже начал проглядывать некий автоматизм. Но всё это далось мне ценой большого напряжения нервов, которое я, конечно, старался не показывать, когда выходил из кабины экскаватора.

Работа в дорожном строительстве летом продолжается весь световой день, а если есть возможность, то и при искусственном освещении. Это, конечно, когда она есть, работа. А когда она есть, начальство старается выжать из подчинённых всё, чтобы успеть сдать объект до холодов и дождей. Сезонность есть сезонность. Но в нашем случае добавлялось ещё то, что добираться до Мельниково получалось долго. Сделав последний рейс с глиной, самосвалы прямоком отправлялись в город, так что мне оставался только вариант с ведомственным автобусом, в который я садился последним. «О, машинист колупатора на месте, можно ехать!» – кричал водителю Колька, работавший на погрузчике. Половина занятых на строительстве дороги рабочих жила в слободе Ольховой, на полпути и немного в стороне от города. Автобус, делая солидный крюк, завозил домой сначала ольховских, а потом уже ехал в город с остальными, кто не успел на какой-нибудь из самосвалов. Приезжали мы уже затемно. А в полседьмого утра нужно было успеть к началу короткой планёрки и отправки на объект. Ни на работу по дому, ни на интернет или другие какие занятия времени не оставалось – всё сжирала дорога туда-обратно. Поэтому, когда Паша предложил мне временно пожить в хуторе, где мы брали глину, я сразу оценил преимущества такого варианта.

– Вон, видишь хату? – показал он на крайнее, почти у самого нашего карьера, строение. – Там старуха одна живёт, я уже договорился. Ну и местная шпана, может, не полезет экскаватор курочить, раз ты тут будешь рядом. А то гонять его каждый день на стоянку – дурная работа...

– Я что, всю ночь сторожить его должен? – опешил я. – А спать когда?

– Да не, не переживай, сторожить не надо. Мы временно старуху сторожем оформили. Это ей как бы плата за квартиранта. Ну, так... прислушивайся по возможности, если что – шугани. Да они и сами не полезут, раз ты тут рядом. Это ж алкашня, они рисковать не станут.

Утром я предупредил батю, что уеду на неделю, кинул в сумку бельишко, мыло-бритву-щётку, одежду запасную и ноутбук. Почему-то мне казалось, что там он мне может понадобиться. Вдруг после работы вдохновение нахлынет или захочется в соцсетях поболтать? Паша завёз меня в Старокамьшин на своей машине, прямо к старухиному дому. Бабка копошилась во дворе.

– Демьяновна! – позвал механик. И сразу перешёл на родной диалект. – Ось тобі квартирант!

– Заходьте до хаты, молочка попьётэ, – пригласила Демьяновна.

– Чи в тебе корова є? – удивился Паша. – Не важко?

Тут Демьяновна обратила внимание на меня и перешла с диалекта на городской, видимо, решив, что я их с Пашей разговора не понимаю.

– Та не, це соседка носит. У них аж две, а молоко когда купять, когда не. Ото ж с городу ездить закупать, так буває, шо й не приедуть. А я для унучки беру... Як тебе звать? – обратилась она ко мне.

– Андрей.

– Ага. А меня баба Лиза. Он у той комнате ночевать будешь. Ото твоя кровать, – указала она в раскрытую межкомнатную дверь на железную узорчатую кровать с пирамидкой разно-

калиберных подушек. – Сумку поставь туда, до сундука. Когда тебя обедать звать? Во сколько у вас обед?

– Да ну, что вы... – смутился я, – у меня бутерброды...

– «Бу-тэр-бро-ды»! – передразнила бабка. – Як обід, шоб був тутычка!

– Вот и хорошо. А то у вас столовая, вижу, не работает, – разулыбался Паша, довольный, что вопрос питания работника решил сам собой, командировочных выписывать не придётся.

– Уже и мыши в той столовой подошли, – пробурчала бабка. – Всё позакрыли, гады, что было. Маринкин медпункт только и работает, да и его уже сколько раз закрыть хотели... Да вы молоко пейте, не стесняйтесь. В городе такого нема.

Я не любитель молока, но отказываться не стал, чтобы не испортить отношения с Демьяновной – всё-таки некоторое время нам придётся сосуществовать под одной крышей. А Паша навернул большую кружку с явным удовольствием.

Хата Демьяновны мне понравилась. Снаружи она выглядела не лучшим образом – саманное строение, обитое тонкой крашеной вагонкой – советским вариантом сайдинга. Краска выцвела и местами облупилась, обнажив серую от дождей древесину, старая крыша из листового металла тоже местами ржавчиной взялась, поэтому и вид был какой-то прижухлый, сиротский. Я ожидал и внутри увидеть что-то подобное – обшарпанные грязные стены, пыль, старушачий запах... А внутри оказалось светло от довольно больших для старого сельского дома окон и побеленных мелом стен. Пол и табуретки были устланы пёстрыми лоскутными «дорожками» домашней вязки, а пахло травами. И запах был таким густым и терпко-смачным, что перебивал все остальные, свойственные сельскому жилью, запахи. Пучки и пучочки трав и в самом деле сушились на веранде, и висели в прихожей. Наверное, ими забиты были и ящички старомодного буфета, и коробки, составленные в углу комнаты, да ещё и на чердаке, куда из кухни вела простая, но добротная крашеная лестница, явно было полно этих трав. Кроме того, внутри хата оказалась намного просторнее, чем можно было предположить, глядя снаружи – обращённая к улице веранда закрывала собой довольно значительную часть строения с четырьмя окнами во двор и целый ряд сарайчиков и всяких хозяйственных построек.

– Видал? – сказал Паша, когда мы вышли со двора. – Демьяновна травами занимается, лечит. Её тут все окрестности знают.

– Местный авторитет? – попытался я пошутить.

– Круче ещё! – поддержал Паша. – Ведьма. У нас же, если знахарка, так обязательно ведьма. Я даже удивился, что она согласилась у нас сторожем поработать и тебя на квартиру пустила. Видать и ведьмам сейчас копейка не лишняя. Внучке на приданое небось копит. У неё внучка – местная фельдшерица.

– Это которую она упоминала? Маринка вроде?

– Ну да, наверное, я её не знаю. А вот Демьяновну – да. Я-то сам ольховский, Ольховая аж вон где, а и от нас к ней народ всегда ездил со всякими проблемами. И это когда медицина ещё более-менее была. Меня мамка к ней два раза возила.

– Болел?

– Ну, вроде того. Сцался. И врачи ни хера не могли сделать, меня даже в детскую областную больницу ложили. Там вроде проходило, а домой привезут – пошло по новой. Демьяновна за раз вылечила. А другой раз...

Тут у него зазвонил мобильник и Паша переключился на свои нынешние дела. Продолжая разговаривать, он поспешно пожал мне руку и скорым шагом пошёл к «Опелю», а я направился к экскаватору – скоро должны были приехать за глиной самосвалы.

Работа чем дальше, тем больше мне нравилась. Не сказать, чтобы она давалась легко – я и через неделю работал не намного быстрее, чем в первый день. Но теперь опасения задеть ковшем борт самосвала сменились опасениями свалить экскаватор в им же вырытый обрыв.

Наш «карьер» представлял собой широкую балку – определённо русло когда-то протекавшей здесь реки. Шириной балка была метров пятьдесят-восемьдесят, по дну её наискосок давно была наезжена грунтовая дорога, соединявшая часть хутора с окраиной. Она выводила на другую, ещё сохранившую остатки асфальта, дорогу. По этой же грунтовке подъезжали за глиной самосвалы. Посередине бывшего русла возвышался продолговатый бугор, по всей видимости, бывший когда-то островом. Та часть бугра, что была ниже по течению, состояла из трёхметрового слоя хорошей чистой глины, которую старокамышинские жители использовали для своих нужд – в былые годы, когда строили хаты из самана. С обратной, более пологой, стороны бугор состоял из нанесённого бывшей рекой песка и чернозёма. На глинистой части бугра росла только трава, а нанесённая рекой часть поросла кустами и деревьями.

Вот этот бывший остров мы и раскапывали ради глины. И запасы её именно в этом месте подходили к концу. Уже приезжал прораб, оценил наши глиняные перспективы и поехал договариваться с местной администрацией о разработке правого берега бывшей реки, а теперь балки. Правый берег был также глинистым, прямо от него начинался подъём, переходивший в довольно большой холм, похожий на курган. Но, как я понял из разговоров нашего начальства, собственно курганом, представлявшим возможную историческую ценность, он нигде не числился, законом не охранялся, и потому раскапывать его можно было без особых формальностей. И запаса глины там хватило бы не на одну такую дорогу, которую мы строили.

Так что на «острове» оставалось работать от силы пару дней. Выбирая глину полукругом, мой экскаватор пятился к кустам, слой глины становился тоньше, а наносная часть почвы, которую приходилось срывать, чтобы добраться до чистой глины, наоборот, утолщалась. Поверхность «острова», в которую экскаватор упирался выносными опорами и бульдозерным отвалом, становилась менее прочной, из кабины мне не было видно, насколько близко к экскаватору я выбрал глину, и приходилось часто выскакивать и смотреть, не пора ли отъехать дальше от обрыва. Конечно, опытный экскаваторщик не отвлекался бы на такие глупости, но то опытный...

И всё-таки, несмотря на эти волнения, я чувствовал себя отлично. Уже походя к месту работы, я ощущал прилив энергии, похожий на какое-то радостное предчувствие. И странное дело – это ощущение не проходило до самого вечера. Усталость была – проведите-ка целый день в сидячем положении! – хотелось лечь и вытянуться во весь рост. Но и приходившая с утра энергия никуда при этом не исчезала. Мне казалось, что если часок отдохнуть, просто размять тело, то я запросто мог бы отработать и ещё смену. Но день подходил к концу, самосвалы уезжали, и приходилось съезжать с острова и гнать экскаватор на охраняемую стоянку. Теперь же, оформив Демьяновну сторожем, Паша решил оставить его на месте работы.

Подходя в это утро к экскаватору, я всё-таки осмотрел его со всех сторон. Красть там особо было нечего, но ящик с ключами представлял лёгкую добычу для желающих срубить на пузырь-другой. Сбыть их в хуторе за бутылку было раз плюнуть. То ли местная регулярно выпивающая общественность прохлопала ушами, то ли и в самом деле «ведьму» Демьяновну побаивались, но всё было на месте. Так что я успокоился, и до обеда работа шла как по маслу.

На обед сходил «домой». Демьяновна налила огромную миску вкусного борща, поставила на стол банку со свежей сметаной, свежий хлеб (в хуторе, оказывается, действовала маленькая частная пекаренка), а на газовой плите в накрытой крышечкой сковородке шкворчало и пахло мясом второе. На которое не хватило ни времени, ни места в желудке. Я просто отвык есть такими порциями. Еле управившись с борщом, я просто сбежал к экскаватору и уже подъезжавшим с обеда самосвалом.

В этот день работать пришлось часов до четырёх. Глина пошла вперемешку с песком и чернозёмом, к четырём примчался прораб.

– Кончай эту х...., – сказал он. – Завтра с утра подъедут грейдер и погрузчик, сделают подъезд и площадку под погрузку. Как только закончат, перегоняй туда экскаватор и начинай

выбирать глину вон с того места. А до того не суйся, экскаватор пускай пока тут стоит. Если есть что подшаманить, занимайся.

Я подготовил экскаватор к переезду, зафиксировав стрелу в транспортном положении цепью, проверил, не капает ли где масло, вытер тряпкой пыль в кабине и пошёл к Демьяновне.

– Что это ты так рано? – поинтересовалась она. – Чи поламався?

– Глина нормальная кончилась. Завтра начнём вот этот холм разрабатывать, что напротив вас. Прямо с края балки.

– Ой дурнэ ваше начальство, – вздохнула бабка. – Они что, не знают, что это за бугор? Нехай ваши не знают, но Титаренко ж тут родился, он должен знать. Стари люди ему не говорили?

– А что не так?

– Та це ж Ведьмина гора! Это её потом стали так называть, а раньше это было святое место. Глины, что ли, им больше негде взять? От дурные... – сокрушалась бабка.

– Так это всё-таки курган? – удивился я. – Тогда, конечно, разрешение придётся оформлять.

– Далися вам те курганы! – проворчала Демьяновна. – Говорю ж тебе: святое место. Ничего у них не выйдет.

Я пожал плечами: не выйдет так не выйдет, моё дело маленькое.

– Елизавета Демьяновна, а где у вас купаются? – перевёл я разговор на более приятную тему. – Ну, пляж какой-нибудь на речке есть?

Демьяновна, как мне показалось, не без удовольствия сошла с неприятной для неё темы разработки «святого места» под глину.

– Где все купаются, отсюда далеко. А ты, если пройдёшь по огороду вон туда, увидишь мостки в очеретах. Чи той – у камышах. Переходь на ту сторону, повертай направо, там и увидишь, где купаются. Оно там и вода чище. А то пока течёт по хутору, чего только не накидают...

Я взял полотенце, мыло и пошёл через огород Демьяновны искать местную купальню. Заблудиться тут было невозможно. Обнаруженная за огородом тропинка привела меня прямо к шаткому мостику, а уже с него я безошибочно вычислил место для купания – по следам от костров. Пикники с ухой или ведром раков, сваренных на костре, явно были тут обычным делом. Но сейчас место было пустым. Оно и понятно: уборочная в разгаре, кому удалось устроиться к новым землевладельцам, те в полях. А кому не удалось, разъехались на заработки или добывают хлеб насущный другими способами. Ну, меньше народу – чище вода.

Речка в этом месте была неширокая, метров десять-пятнадцать, но глубина позволяла прыгать ласточкой прямо с крутого бережка и плыть под водой хоть до самого противоположного берега, густо поросшего камышом. Чем я и занялся с полным удовольствием от неожиданной возможности провести остаток жаркого дня в прохладной и чистой воде.

Когда-то эта речка, видимо, была притоком той, от которой осталось теперь только высохшее русло, огибающее глиняный холм – «святое место». У рек, размышлял я, развалившись на прибрежной траве, тоже своя судьба, как у людей. Вот была большая и сильная река, а в неё впадала вот эта мелочь. И тем, кто основал хутор на месте их слияния, до маленькой речки, наверное, и дела не было: в большой реке и рыба, и вода оттуда. Может, по ней даже судёнышки какие ходили, что-нибудь перевозили. А что? Если вся эта балка была заполнена водой, легко такое могло быть. Глубина балки и сейчас метров десять-двенадцать. Не случайно же основная часть хутора на левом берегу бывшего русла. Это вот бабки Демьяновны хата на отшибе, меж двух русел, огородом к маленькой речке, а лицом на «святое место». Ну, ещё три-четыре дома, ближе к хутору, жмутся на этом берегу. А остальные все там, за балкой. А потом бац – большой реки не стало. И маленькая речка стала основной. Не будь её, уже и хутора давно бы не было. Маленькая речка оказалась сильнее и важнее большой. И течёт себе без претензий на судоходство, на рыбный промысел, на какую-то значительную роль в местном ландшафте

и жизни людей, как текла, наверное, и сто, и тысячу лет назад. И сколько на её берегах прожило и прокормилось людей, интересно? Вот таких же маленьких, незаметных, которые, может быть, только тем и занимались, что выживали. Копали свои огороды, засевали поля, растили детей, отбивали набег кочевников. Уж чего-чего, а этого здесь, в степях, было достаточно. Может быть, выросшие дети уходили с её берегов и совершали какие-то великие дела – строили большие города, одерживали военные победы, открывали новые земли или изобретали какие-то механизмы, двигавшие прогресс и науку. Но всё это где-то далеко, не на её берегах. Возможно, эта удалённость от известных событий, всяких там великих строек и прочих человеческих мясорубок и позволила ей выжить и сохраниться в почти первозданной чистоте. И продолжать своё незаметное, но великое дело – сохранение жизни...

«Чёрт! Надо же было бабке денег дать – за еду, – вдруг вспомнил я. – Пара тысяч же есть, хотя бы тысячу отдать. А то с хрена ли она меня бесплатно кормить должна? А на колбасе из местного магазина сидеть не хотелось бы...»

Солнце уже недвусмысленно показывало, где тут у нас Запад, я быстро впрыгнул в трико и пошёл к мостику через малую, но великую речку.

Ещё с веранды через открытую дверь я увидел на кухне гостью. «Бабкина внучка» – сразу понял я, увидев девушку «среднего девичьего возраста». Рыжие (не похоже, что крашенные) выющиеся волосы, румянец, свойственный рыжеволосым, точёная фигурка, производившая почему-то впечатление туго накачанного волейбольного мяча – при всей правильности форм и отсутствии «лишних мест».

Демьяновна комплектовала стоявший на столе крепкий полиэтиленовый пакет продуктами собственной молочной переработки – «ось тоби маслыця, а тутычка трохы творожку...», а девушка вяло сопротивлялась загрузке сумки. Вроде у неё и так всего достаточно, и попу слишком наесть нельзя, а то замуж не возьмут, и тащить через весь хутор пакет неохота. На что Демьяновна возражала, что запас – он каши не просит, а кушать надо, а то без попы точно замуж не возьмут. Такие милые родственные сюсюканья «деточка, ну скушай ещё ложечку», видимо, у них были взяты за основу отношений. На меня, вошедшего, они даже не сразу внимание обратили.

– Ой, здравствуйте, – наконец повернулась ко мне бабушкина внучка, обнаружив изумительные серо-зелёные глаза. И смутилась, явно стесняясь бабкиной заботы.

– Оце моя Маринка, – отрекомендовала Демьяновна, мельком взглянув на меня и впихнула-таки, воспользовавшись замешательством внучки, в пакет все приготовленные для неё узелки с творожком и маслицем. – Сидай, Андрей, зараз вечерять будем.

– Здравствуйте, Марина, – улыбнулся я не столько девушке, сколько ситуации с навьючиванием пакета. – Приятно познакомиться. Мне говорили, вы здешний фельдшер?

– Вообще-то я не фельдшер, а врач, – не без гордости поправила девушка, – но заведу фельдшерским пунктом. Других вариантов здесь нет. А уезжать не хочу.

– Достойно уважения, – похвалил я. – Вашим землякам повезло с вами. Не все так могут. Хотя на самом деле тут преимуществ перед большим городом больше, чем недостатков. Я жил в больших городах. Вода поганая, воздух грязный, народ нервный...

– Ага, – поддержала меня Демьяновна. – И хату не дают. А тут ей собственную хату купили.

– Да что вы, правда? – попытался удивиться я, но получилось как-то слишком светски, фальшиво. Поэтому я тут же решил поправить ситуацию. – Нет, я слышал, что врачам в сельской местности дают жильё, какая-то там программа есть, но, честно говоря, думал, что это фикция, для галочки.

– Может, где-то и для Галочки, – сострила Демьяновна, – а у нас для Мариночки. Дали добрый котэдж.

– Ой, бабушка, прямо там коттедж, – засмушалась опять Марина. – Да он пока и не совсем мой. Но вообще неплохой домик. Люди для себя строили, а потом районная администрация у них купила. А так бы не видать мне тут никакого коттеджа.

«Представляю, как эти волки на откате наварились» – подумал я, но не стал портить приятный разговор своими подозрениями.

На столе меж тем появилось разогретое жаркое, от которого я сбежал в обед, миска с варениками, сметана, эмалированная миска с овощным салатом и стаканы с молоком. Уловив мой скептический взгляд, перебегающий с огурцов в салате на молоко и обратно, Демьяновна спохватилась:

– Так это ж ты первый день у меня! Може ж трэба вынця? За знакомство?

– Да я это... не любитель особо-то, – настала моя очередь смутиться. Во дурак-то, не подумал! Мог бы хоть бутылку вина хорошего взять. Неловко как-то получилось...

– Та шо там «особо»! – не приняла возражений бабка. – Особо и не надо. А по трошки можно.

Демьяновна нырнула куда-то в кладовку, примыкавшую к кухне и вынырнула с большой пузатой бутылкой красного домашнего вина. Литров пять, не меньше. В советских фильмах про гражданскую войну, которые я ещё захватил краем детства, из таких бутылей рядовые белогвардейцы мутный самогон хлестали.

Молоко получило отставку, а общение получило новую тему. И ужин, можно сказать, состоялся. После стаканчика ещё больше раздумывавшаяся Марина перестала смущаться. Мы прекрасно поговорили, казалось, обо всём на свете, прыгая с темы на тему. Круг её интересов оказался неожиданно широким – от цен на картошку до инопланетян и альтернативной истории. Порой мне казалось, что девушка просто читает мои мысли – до того похожи были наши мнения по самым разным вопросам. Я понимал, что в хуторе у неё не было подходящего собеседника, а интернет не казался ей полноценной заменой живому общению. Я же, хотя обычно и довольствовался общением в соцсетях, стал понимать, насколько оно беднее.

Да, девушка была приятная. Не супер-пупер модель, а именно приятная. Не то, чтобы я как-то там сразу воспылал, но её присутствие рядом было некой изюминкой к разговору, который обоим был интересен. Мне было с нею уютно. Как будто и не в чужом доме я находился, а вернулся после долгого отсутствия в свой.

После ужина, прихватив ещё по стаканчику вкусного бабкиного винца, мы переместились во двор, на свежий воздух, и расположились на брёвнах, лежавших вдоль забора, огораживавшего двор со стороны хутора. Демьяновна отказалась от помощи Марины по мытью посуды, хотела отказаться и от моей тысячи, которую я всё-таки не забыл ей предложить, но тут я уже проявил твёрдость, деньги были приняты. Так что ничто не мешало нам с Мариной продолжать разговор в сумерках, под проступившими на небе первыми звёздами.

Почувствовав ко мне доверие, девушка рассказала и о себе. Она действительно была бабушкиной внучкой – Демьяновна всё детство была ей не только бабкой, но и официальным опекуном, после потери матери, которая – я так и не понял от чего – умерла. От каких-то послеродовых осложнений, что ли. А отца Марина не знала вообще – маманька её, как люди говорят, нагуляла. Хотя гулящей и не была – видимо, просто не везло в жизни с мужиками, а годы летели... Она, кстати, тоже врачом была. Пришлось и мне в ответ изложить свою краткую биографию. Врать я не стал, но и в подробности не пускался. Да она их и не требовала.

Мало-помалу, дошло дело и до загадочного «святого места», которое мне вскоре предстояло разрушить ковшом экскаватора. Мне было непонятно, что там такого святого, в этой глиняной горе. Может быть, там раньше церковь была? Их обычно на возвышенных местах ставили. Так вряд ли. Церкви ставили в центре селения. И в Старокамышине действительно есть остатки церкви, разрушенной большевиками ещё в 1930-х годах. Как раз в центре. На холме же

никаких следов строения не видно – так, каменюки какие-то природные кое-где выглядывают, явно не остатки строения. Ну а про ведьм – это же Гоголь чистой воды...

Я уже собирался постебаться над народными суевериями, попридумывать какие-нибудь забавные поводы для слёта ведьм на местной Лысой горе, но Марина отнеслась к этой теме неожиданно серьёзно.

– Андрей, ты в этом ничего не понимаешь, – сказала она. И я почувствовал по голосу, как она напряглась.

– Ясен пень, не понимаю, – согласился я. – Я и в разных эльфах, гномах и прочих смурфиках не понимаю. Если это чисто вымышленные персонажи, что там можно понимать? Чисто теоретически – это может быть какими-то отголосками информации о других расах, кроме человеческой, которые могли существовать на земле в давние времена. Если есть человеческие расы, почему бы не быть и другим? Вон же открыли недавно «денисовского человека», а он ни к одной современной расе не относится. Так мало того – оказалось, что ему не пятьдесят тысяч лет, а триста тысяч. А где-то – на Филиппинах, что ли – вообще в пещере откопали этих, из «Властелина колец»... не гномов, а как их...?

– Хоббитов.

– Точно, хоббитов! Но если это что-то подобное, тогда тут нужны раскопки. И не факт, что они что-то дадут. Но при чём тут какая-то святость места? Марин, я не хочу оскорбить чьи-то религиозные чувства, как теперь принято выражаться, самих чувств не предьявляя. Пойми правильно. Но вот эти разводки с разными мощами, святыми местами, псевдоиконками на срезе дерева или там на стекле чердачного окна, мироточением бюстов... ну, ты понимаешь... ну, как-то, мягко говоря, выглядят просто издевательски. Вроде как людей за идиотов держат. Только ты не сердись, если ты веришь в эти штуки. Я допускаю, что какие-то высшие силы есть. Пока же не доказано, что их нет. Я согласен, что они могли создать человека. Допустим, из подручного зооматериала. Но какое отношение к этому имеют религии? Все до одной! Шайка аферистов, мошенников на доверии, которая заявляет, что они контактируют с богом и действуют от его имени. Да ты посмотри на них трезвым взглядом! Жулик на жулике, сами они не исполняют того, к чему доверчивых прихожан призывают!

– Так ты считаешь, что святым может называться только то место, которое христиане таким считают? – на этот раз ирония прозвучала в голосе Ани.

– Да хоть христиане, хоть мусульмане, хоть ещё какие буддисты. Это просто люди, которые рассказывают другим и друг другу свои сказки. Причём, все сказки разные. И даже не важно, верят они сами в эти сказки или нет. Как некое духовное плацебо религия ещё годится, но тут ведь всё намного серьёзнее. Тут и деньги, и политика замешаны.

– А тебе не кажется, что отрицать, точно ничего не зная, так же глупо, как и веровать, точно ничего не зная?

– Ну... да, это по сути такая же гипотеза. Но для всего должно быть основание.

– Ты человек типа «не увижу – не поверю».

– Я даже хуже, – улыбнулся я. – Мне надо не только увидеть, но и пощупать. А то мало ли чего показать могут.

– Таким, как ты, словами объяснять бесполезно. А хочешь и увидеть, и даже пощупать?

– Ты серьёзно?

– Вполне. Сегодня как раз такой случай.

– Да с чего бы?

– Но тебе придётся сначала умереть, а потом родиться.

– Марин, мы же не столько выпили! Но какая заманчивая двусмысленность звучит в твоих словах!

– Вот ты кобель, оказывается, какой! – засмеялась она. – Я не про то, правда!

– А про что? – разочарованно протянул я.

– Слово «умереть» что означает, как думаешь? Точнее, что оно означало раньше, изначально?

– Думаю, ровно то же, что и сейчас. Кирдык, короче.

– Оно означало что-то вроде «приобщиться к Маре», уйти в её мир. Мара – это богиня смерти, хозяйка перехода в другой мир, в другое состояние.

– Ах вон ты про что! А слово «родиться», значило «приобщиться к Роду»? Он, я забыл, чего там повелитель?

– Повелитель всего.

– Так ты родноверка! Тут у вас община, что ли?

– Нет здесь никаких общин. И вообще, я к этим людям, что наряжаются в русские сарафаны и прыгают через костёр, не отношусь. Хотя и не осуждаю. Они по-своему ищут путь к своим богам. Не их вина, что ищут наугад.

– Так ты им подскажи куда итить-то!

– Не могу. Нельзя.

– А мне, значит, можно? Я не ищу этого пути.

– Ты уже на нём.

– Здрасьте вам! С каких это пор? Почему я сам про это не знаю?

– С тех пор, как ты родился. Теперь иди и поспи. Я потом позову тебя.

– Ты что, серьёзно? Только разговорились...

– Иди, Андрей.

Ничего не поделаешь. Наверное, я всё-таки задел её больные места. Надо было меньше болтать, а больше слушать. И вечер бы закончился чудесно. Мог бы сообразить: девушка не замужем, живёт в глуши, бабка с детства по ушам ездит травничеством, да ещё, наверное, и заговорами какими-нибудь. Мама... гм, «приобщилась к Маре». Долго ли тут в мистику впасть? А я, как слон в посудной лавке, со своей критикой. Эх!

– Ну что ж, спокойной ночи. Может, проводить тебя?

– Нет, спасибо, я здесь остаюсь.

– Ну, я пошёл.

– Иди.

Демьяновны в доме не было. А может, уже легла спать в своей комнате. Стараясь не шуметь, я откинул одеяло на предназначенной мне кровати, оставил из горки подушек одну, переложив остальные на сундук, и завалился спать. Винцо, видимо, сделало своё дело – уснул почти мгновенно.

Проснулся я от грохота. Бабахнуло так, что стекла затряслись. Света в комнате не было, но с кухни жёлтой полоской, разделившей комнату на две части, проникал свет, и ещё оттуда слышались негромкие женские голоса, приглушаемые шумом дождя. О чём они там говорили, я спросонок не успел понять, но чётко различил слова:

– Так ты думаешь, это он?

– Да он! Он, бабушка!

Сквозь полудрёму я ещё успел поразмышлять, не обо мне ли речь, и в каком смысле «он». Я-то я и есть, но они, может, о ком-то другом? И тут мой сон как рукой сняло: дождь! Да сильный! А экскаватор-то на самом краю бывшего острова, из которого мы выбрали глину! На такой почве, что подмоет её на раз. И рухнет тогда мой железный конь с обрыва. Я же его даже ковшом в дно балки не упёр, идиот! Оставил в транспортном положении, переезжать собирался, и ушёл! Подставлю всё ДРСУ! И с меня точно шкуру спустят.

Впрыгнул в трико и шлёпки, которые стояли рядом с кроватью, наскоро натянул на себя футболку, нашарил в кармане рабочих штанов ключ от кабины. Надо отогнать от края выработки хоть на пару метров! Намокну, зато душа будет спокойна.

Выскочил в кухню. За тем же столом сидели Демьяновна, Марина и ещё какая-то молодуха примерно Марининых лет – роковая брюнетка, мельком пронеслось у меня в голове. Лицо у неё такое было... красивое, породистое, но чересчур серьёзное, что ли. Прямо зловещее какое-то. Как у школьной училки перед годовой контрольной. Видать, они что-то такое тут обсуждали важное, что она так насупилась. Одетая была то ли в плащ по случаю дождя, то ли в пеньюар какой-то особенный, рассматривать было некогда.

Наверное, моё появление было полной неожиданностью, особенно для брюнетки. Она так уставилась на меня, не мигая, глазищами цвета стали, будто я из преисподней выскочил, а не из соседней комнаты.

– Здравствуйте, – на ходу кивнул я ей. – Демьяновна, я побежал экскаватор отгнать от края, а то рухнет, зараза, с обрыва. С чего вдруг гроза такая? Вроде ж ни облачка не было! Но это я уже скорее для себя сказал, выскакивая на веранду.

– Андрей! – услышал я голос Марины, когда выбежал уже за калитку.

Обернулся:

– Что?

Они стояли на крыльце все три. Как раз сверкнула молния и осветила их как днём. Все смотрели на меня, как на покойника – торжественно-печально.

– Не бойся! – крикнула Марина. – Всё...

Остальные её слова потонули в сильнейшем ударе грома. Я чуть не присел.

«Бойся-не бойся, а бежать надо, – подумал я. – Потом спрошу, что она хотела сказать».

Шлёпки я потерял в грязи на первых же метрах. Хрен с ними, потом найду, босиком ещё и быстрее добегу.

Но не добежал. Внезапно всё тело пронзила страшная боль. Свет в глазах померк, да мне было и не до света, и не до глаз. Я провалился в сплошную, полную невыносимых страданий тьму. Как бы вдогонку, краем сознания, то ли услышал, то ли кожей почувствовал ещё один раскат грома.

Возможно, я орал диким голосом, но не слышал своего крика, возможно, извивался в судорогах, но не ощущал ни грязи под собой, ни дождя. Промелькнула только мысль, которая запомнилась: меня убило молнией.

А потом тьма сменилась невыносимо ярким и таким же мучительным светом. Это не был «свет в конце туннеля», который описывали доктору Моуди его недоумершие пациенты. Я никуда не летел, мне не мерещились умершие друзья и родственники, не манило вперёд приятное сияние где-то впереди. Обжигающе белый свет был всюду – и вокруг меня, и внутри меня. Каждая клетка моего тела была пронизана этим сверхъярким светом, мне было невыразимо больно. Одновременно я чувствовал тошноту и какое-то онемение тела, и полное отсутствие тела, но сознание не отключалось. Не было жизни, смерти, и вообще ни-че-го, а моё Я и не плавало, и не парило – просто пребывало в этом безжалостном и безбрежном ярком кошмаре.

Сколько это длилось, я даже не пытался определить. Может, секунду, а может, вечность. Времени для меня тоже не было. И всё-таки оно кончилось. Не сразу. Вначале свет начал сгущаться и терять свою казнящую яркость. Или сознание стало к ней привыкать. Наметились неясные пятна, которые были чуть менее яркими, чем остальное пространство. Пятна чуть-чуть отвлекали меня от страдания, причиняемого светом. Да и само страдание – я бы даже не назвал это болью, поскольку тела уже не чувствовал – стало постепенно ослабевать.

Потом дело пошло быстрее. Пятна стали явственнее и мало-помалу обретали какие-то, пока не угадываемые, но конкретные очертания. Что-то из этого света образовывалось. И я уже пытался понять, что это. Параллельно и моё Я будто во что-то помещалось, обретало форму вместе с этими пятнами. Я не мог видеть, но ощущал это что-то. Наверное, так моллюск ощущает свою раковину.

Затем пятна стали приходить в движение, откуда-то явились неясные пока звуки, моя «раковина», вдруг понял я – это моё тело. То ли старое, то ли новое, но – моё. Я не мог пока им пользоваться, пошевелить рукой или ногой, но оно было. А раз оно было, значит, не всё потеряно.

А пятна уже оформились в фигуры – явно человеческие, хотя и без деталей пока, но движущиеся и звучащие. Наконец, будто пелена спала с глаз – я чётко различил двух странных людей, выделившихся из безбрежного света. Вокруг них по-прежнему был ни на что не похожий яркий свет, но они в нём не плавали, как бестелесные привидения, а напротив, двигались так, будто под ногами у них твёрдая поверхность. Только я не мог эту поверхность видеть, для меня она тонула в белом сиянии.

Один был седобородым стариком в белой, из того же света сотканной рубашке. Да и сам он будто состоял из света, но при этом казался вполне материальным, обладающим телом такой же плотности, как у обычного человека. Из-за длинной бороды и усов на вид ему было лет, наверное, девяносто, не меньше. Однако старческой дряхлости в нём не чувствовалось. Просто долгожитель в очень хорошем для своих лет состоянии. Второй был значительно моложе – лет пятидесяти, с аккуратно подстриженной бородой и ухоженными усами. Одежда его напоминала то ли древние доспехи, то ли фантастический скафандр, но без всякого головного убора или шлема. Волосы даже не были седыми – просто белые, как у любого блондина. Но тело на вид того же свойства, что и у долгожителя.

Старик подошёл ко мне – не подплыл, не переместился, а именно подошёл, ногами – и протянул руку для пожатия:

– Ну, здравствуй, Андрей.

И только тут я ощутил своё тело. Без всякой боли. Пожал его руку – она была совершенно по-человечески тёплой. И голос был не по возрасту молодой.

– Здравствуйте, – ответил я.

Старик усмехнулся в усы:

– У тебя, наверное, много вопросов?

Честно говоря, у меня не было много вопросов. Был только один: что со мной происходит?

– Ты прошёл инициацию. Как воин.

Вот тут у меня действительно возникло много вопросов. Несмотря на нереальность ситуации, я вспомнил, кто я есть, и всё, что было перед тем, как я оказался в этой бездне света. Можно сказать, пришёл в сознание. Если не считать того, что ситуация не казалась мне бредом. Моё сознание легко приняло то, что я находился в некой световой среде и говорил с людьми, сделанными из света. Как будто это такое естественное явление, давно мне известное. Редкое, но естественное.

– Простите, – сказал я старику, даже почему-то не подумав спросить, кто он такой, – а почему как воин? У меня такое ощущение, что вы меня с кем-то спутали.

– Когда ты видишь ясень, почему ты думаешь, что это ясень, а не орех, например? Но ты определяешь по виду, а мы по крови.

Старик отошёл, а ко мне подошёл тот, что моложе, и мы так же обменялись рукопожатием. Но молча. Человек только доброжелательно смотрел мне в глаза. Затем он тоже встал рядом со стариком.

Всё-таки ощущение, что меня приняли за кого-то другого, не проходило. Голова моя ещё не пришла в нормальное состояние, тысяча вопросов относительно происходящего теснились в ней и лезли вперёд, но я не решался задать ни один из них.

– Не спрашивай пока ничего, – сказал старик. – Потом сам всё поймёшь. Но кто мы, ты и так уже понял, это главное. А мы поняли, кто ты. Ты сегодня много получил и постарайся

распорядиться этим разумно. А теперь иди. И помни, что мы с тобой одно целое, хотя и существуем отдельно.

И я шлёпнулся в мокрую и холодную грязь. И в боль. Теперь это была именно боль. Всё моё тело болело, было мокрым, холодным и грязным, голова раскалывалась, а кроме того, меня шлёпала по щекам, пытаюсь привести в сознание, мокрая и перепуганная Марина.

Гроза уже громыкала в стороне, но ливень даже не думал стихать. И сквозь шум падающей воды я слышал её голос:

– Андрей! Очнись! Андрюша!

И опять пощёчина.

– Перестань меня лупить, – простонал я. – И так всё болит...

– Ой, ну наконец-то! – обрадовалась девушка. – Я же чувствую, что живой, пульс есть, а поднять тебя не могу. Надо перебраться в дом, хоть как-то, нельзя столько времени под дождём... Скорую уже вызвала, но они сюда пока доедут...

Она вцепилась в мою руку, за другую меня схватила Демьяновна, которая, оказалось, тоже тут была, но попытка переместить моё тело даже по скользкой грязи опять не удалась. Мало того, Марина сама поскользнулась, и раскисшая почва, обдав моё лицо грязными брызгами, чавкнула под её телом. Мне показалось, что она заплакала от досады.

– Погодите, я сам попробую, – выдавил я.

С трудом перевернулся на живот, но встать на ноги так и не смог. Сил не хватало, но хуже было то, что тело не слушалось. Я всё время заваливался набок. Пришлось ползком – по грязи, как какой-нибудь голливудский диверсант на боевом задании. Марина с Демьяновной опять ухватили меня подмышки и дело сдвинулось с мёртвой точки. Вскоре я уже на четвереньках вполз на веранду, а там, стащив с меня мокрые и грязные тряпки, обтёрли насухо и положили на старый диван, наскоро застеленный покрывалом. Марина растирала моё тело, причиняя ещё большую боль, Демьяновна по её команде наполнила кипятком пластиковые бутылки, сколько нашлось их в доме, и практически обложила меня ими со всех сторон, накрыв толстым ватным одеялом. После чего ушла готовить для меня какие-то настойки. А Марина, переодевшись в сухой халат, села на табуретку рядом с диваном.

– Тебе очень больно? – спросила она дрожащим голосом. – Голова болит? Тошнит? Видишь хорошо? А слышишь?

Я был тронут её состраданием и заботой и даже не знал, как выразить благодарность. Больно-то больно, но не хватало ещё, чтобы она тут разревелась.

– Терпимо, – еле выдавил я. – Вижу хорошо. Хотя очки я там потерял. Ты не находила? Хана, значит, им. А в целом, бывало и хуже.

– Да куда уж хуже! – девушка посмотрела на меня так, будто я сказал какую-то глупость. – Я так перепугалась! Думала, что уже не вернёшься. А у тебя что, раньше бывали такие ситуации?

– Ага. Десять лет назад меня машина сбила. Чуть было не сдох. В ноге до сих пор штырь железный.

– Как до сих пор?! – удивилась она. – А почему сразу не удалили?

– Да нет, это мне врачи сами загнали его в кость, чтобы срослось. Потом должны были вынуть, а я не пошёл. Неохота было опять на операцию.

Так мы разговаривали, и я всерьёз отвечал на её наивные вопросы, пока не подумал, что Марина просто не даёт мне снова потерять сознание.

– Что, со мной всё так плохо? – спросил я напрямик. – Ты же просто мне зубы заговариваешь?

– В моей практике таких случаев не было, – ответила она. – Поэтому я волнуюсь. Тебя надо срочно в больницу везти, а их всё нет...

– Слушай, Марин, мне, пока я там валялся, странное видение было.

– Как раз в этом ничего странного нет, – сказала она, как-то по-новому на меня посмотрев. – Но об этом сейчас говорить не будем. Ты всё запомнил?

– Что всё? – не понял я.

– Видение своё. Запомнил?

– До мельчайших подробностей.

– Ну и хорошо. Только рассказывать про него сейчас не надо. Было и было.

Какая-то двусмысленность определённо была в её словах. То ли она боится, что я заново испытаю шок, то ли какая-то другая причина крылась в её нежелании обсуждать то, что я пережил в бессознательном состоянии. И я был почти уверен, что эта причина есть, но спорить не стал.

– Чёрт, теперь куча проблем возникнет, – вслух подумал я. – Очки единственные потерял. На работе будут неприятности. И отец, когда узнает, что я в больницу попал...

– Не переживай, я схожу к твоему отцу, успокою. Ты ведь живой. И скоро поправишься.

– Даже не знаю, как тебя благодарить, – вздохнул я. – Даже странно как-то: мы ведь только сегодня познакомились, а такое чувство, что уже годы вместе прожили...

– И у меня такое же, – тепло улыбнулась она. – Самой странно.

Гроза уже ушла, дождь кончился, и только редкие капли звонко падали с мокрых веток на железную крышу веранды. В предутренней тишине было слышно даже, как булькали они, попадая в сотворённые ливнем лужи. Эти редкие звуки будто отмечали некие неведомые нам промежутки времени, тёплая постель и сидящая рядом девушка действовали на меня так умиротворяюще, что я забывал про сильную боль в теле и ни в какую больницу мне ехать не хотелось. Дали бы мне полежать вот так некоторое время, так я, наверное, быстрее бы поправился, чем в больнице.

Но не дали. «Скорая» приехала, когда уже рассвело и широкое окно веранды наполнилось чудесными красками летнего утреннего неба – без единого следа бушевавшей ночью розы! Чтобы добраться до бабкиного дома, машине нужно было переехать балку – не по грунтовке, а по другой дороге, сохранившей с советских времён остатки асфальта. Я даже надеялся, что там сейчас полно воды и дорога непроезжая – пусть бы, например, через день приехали, когда подсохнет. Но нет, проехали. Марина пошла их встречать и привела пожилую врачиху и парня-санитара. Наскоро меня осмотрев на предмет ожогов, врачиха их не нашла.

– Его точно молнией ударило? – подозрительно спросила она у Марины.

– Да прямо на моих глазах! – заверила та. – Пришлось делать закрытый массаж, искусственное дыхание... Еле откачала.

– А вы родственники, что ли? – любопытство врачихи поползло явно не в ту сторону. – Документы какие у него есть? Полис есть?

– Это квартирант моей бабушки, – Марина протянула ей заранее вынутые из моей сумки документы. – А я как раз к ней зашла. Он выскочил свой бульдозер спасать, тут его и накрыло.

– А, вон что... – разочарованно протянула врачиха. – Ну, повезло тебе, парень. Врач рядом оказался, как на заказ. А то бы сейчас уже в морг ехал.

– А почему же ожогов нет? – спросила у неё Марина.

Та пожала плечами:

– Бывает, что и без ожогов обходится. Но травмы от этого не легче. Голова болит? – обратилась она ко мне. – Как тебя зовут, помнишь?

– Раскалывается. Но всё помню.

– Уже хорошо. Ходить можешь?

– Пробовал, не получилось. И всё тело болит. Даже внутри. В ушах шумит, слышу как-то плохо, как издали. Но руки-ноги вроде уже чувствую.

– Сотрясение, значит, сильное. Как минимум. А дальше пусть сами смотрят. Ну, поехали, квартирант. Хорошо, что полис у тебя с собой. Лёша, давай носилки.

– Да я сам попробую, – запротестовал было я. – Тут идти два шага. Просто пусть немного поддержит.

– А ну лежать! – прикрикнула на меня врачиха. – Я тебе встану! Ишь какой!

И обратилась к Марине:

– Где его вещи?

– Да я с ним поеду, – сказала та. – По дороге только ко мне домой заскочим, это рядом с медпунктом. Мне всё равно в Мельниково надо.

– Да пожалуйста, – пожала плечами врачиха. И, ничуть меня не стесняясь, с ухмылкой добавила вслед, когда Марина уже вышла за моей сумкой:

– А говоришь, квартирант...

В этот день неприятности начались прямо с утра. Как всегда, в половине седьмого Холодов приехал на работу, но не успел даже войти до кабинета, как зазвонил мобильный. «Что за хрень? – удивился Холодов, обнаружив, что звонит глава Старокамышинской сельской администрации Титаренко. – В такую рань!»

– Слушаю, Иван Григорьевич, – откликнулся Холодов. – Доброе утро.

– Та если б доброе, Александр Николаевич! – плаксивым голосом запричитал Титаренко. – Тут такая беда-а!

– Да что такое? Говори нормально, по делу.

– Ночью у нас гроза была страшная! Ну прямо никогда такой не было. Так ваш экскаватор смыло, лежит на боку в карьере и глиной с грязью его занесло почти весь.

– А экскаваторщик где? Он же там у вас ночует.

– А його молнией вбыло. Старуха, у який вин на постой був, каже, шо побиг ратуваты экскаватор, та його й бахнуло. Ранци у «скору» видвэзлы.

– В «скору»? Так он живой или убило?

– Та якбы я знав! – Титаренко от волнения с русского переходил на местный диалект украинского и обратно. – Вроде живого увезли, а може, и умер по дороге. Это ж молния, Александр Николаич! Там же сколько вольт!

– Ни хера себе..., – безадресно выругался Холодов, но тут же взял себя в руки, – спасибо, что позвонил, Иван Григорьевич.

– Паша! – крикнул он в распахнутое окно, заметив во дворе главного механика. – Поднимись быстро ко мне!

Механика новость шокировала даже больше.

– И что теперь делать? – он обескуражено уставился в стену. – Вчера ж ни облачка на небе не было! И где я теперь экскаватор возьму?

– Ты пока выясни, что там с этим... с журналистом. Позвони в больницу.

Паша вышел из кабинета, оставив начальника наедине с его думами. Строительство дороги к свинокомплексу не то, чтобы срывалось, но было одно обстоятельство, которое теперь ставило Холодова в тупик. Важный областной чиновник, близкий к владельцу свинокомплекса, на которого вывели Холодова общие знакомые и через которого ДРСУ и получило заказ на строительство дороги, с самого начала поставил условие: все работы должны вестись по уже разработанному и утверждённому заказчиком плану. И особо предупредил: место выемки глины должно быть именно то, которое указано в плане. И щебень брать только там, где планом предусмотрено. Со щебнем и так было понятно – его, кроме как на местном щебзаводе, брать было негде. Не возить же за сто километров. И на поставке щебня зарабатывал щебзавод, который, видимо, не забывал и чиновника. Но глина! На ней не зарабатывал никто. Ладно бы из неё какие-нибудь горшки делали, там не всякая глина и годится. А стабилизировать грунт под дорожное полотно? Да подходящая глина тут в любом овраге. Есть места и гораздо ближе к дороге.

Теперь придётся нанимать чужой экскаватор. И ещё большой вопрос, согласится ли его владелец – индивидуальный предприниматель, который только рытьём котлованов и зарабатывает. То, что грунт четвёртой категории, ещё ладно, но если мужик увидит, что случилось с их собственным экскаватором, да в каком неудобном месте надо брать глину, откажется. Холодов прекрасно помнил тот бугор, который был указан в плане – там уклон не меньше тридцати градусов. У мужика экскаватор новый, JCB, зачем ему рисковать кормильцем? И как ему объяснить, почему глину надо брать именно в Старокамышине? Весь город смеяться будет.

Паша зашёл в кабинет где-то через час.

– Что так долго? – недовольно осведомился Холодов.

– Так пока врачей нашёл, у них там пересменка...

– Ты ездил в больницу?

– Ну а чё звонить? Тут ехать-то... По телефону бы дольше вышло. В общем, Сердюков живой, хотя и тяжёлый. Говорят, не меньше месяца там проваляется. А потом ещё инвалидом может остаться. Если выживет. Но я к нему зашёл в палату – вроде ничего, разговаривает.

– Только инвалида на балансе нам не хватало...

– Да. И не уволишь, испытательный срок прошёл. Хотя...

– Что?

– Да он экскаватор стрелой в дно не упёр. Говорит, прораб сказал готовиться к переезду на бугор, он и приготовился заранее. Потому и побежал отгонять от края.

– Ну и что?

– Ну как? Нарушение. Его косяк. Должен был упереть.

– А так бы его не смыло?

– Да могло и так смыть. Но не упёр же? Можно уволить за нарушение.

– Ты ещё предложи ущерб на него повесить. Нет, так не пойдёт. Народ узнает, что он в грозу кинулся спасать экскаватор, будут героем считать, а нас гадами. А, не дай бог, серьёзная проверка начнётся – если, например, он в суд подаст? Прикинь, сколько наших косяков вылезет. У него же и допуска не было. Лучше дело миром решить, чтобы сам уволился, и без обид. Всё равно у нас теперь экскаватора долго не будет. Титаренко сказал, его жидкой глиной залило.

Услышав это, Паша не удержался и тихонько взвыл от отчаяния. Технику он любил. В этот экскаватор он вложил кучу сил, нервов, денег – в том числе собственных. Душу, можно сказать, вложил! Строил большие планы... И вот так, за одну ночь, от случайной грозы всё потерять? К этому Паша был не готов.

– Ты... это, – задумчиво сказал Холодов, – выбери время, сходи к нему ещё раз. Предложи денег. Отступного. Мы его поощрим как героя, а он сам уволится. И другим работягам такой расклад понравится. А то, знаешь, сейчас вся остальная техника вдруг начнёт ломаться. А нам надо работать.

Как Марина и обещала, она побывала у меня дома и не только сумела мягко подать отцу нехорошую новость, но и привезла его навестить меня в больницу. Правда, это случилось не в первый день моего там пребывания, а пару-тройку дней спустя. Батя насобирает в нашем саду сумку яблок со старой яблони, которая сохранилась там со времён моего детства, порывался прикупить ещё каких-то харчей, но она сумела предотвратить захламление моей больничной тумбочки лишней едой. А яблоками с удовольствием похрустели потом и трое моих соседей по палате.

К тому времени состояние моё улучшилось, координация движений восстанавливалась, я уже мог хотя бы элементарные свои проблемы решить самостоятельно. Да и внутри тела боли стали стихать. Внешне я выглядел вполне благополучно, и отца это успокоило.

– От же везёт нам на молнии! – сказал он, удовлетворившись тем, что дело идёт на поправку. – Мой дед, а твой прадед, тоже молнией битый был. И дядька твой, Антон, от молнии получил своё – пацаном ещё, лет пятнадцать или шестнадцать ему было. А теперь и тебя она достала. Хорошо, все живые оставались, никого хоть насмерть не убило. А то у нас и такие случаи были в селе.

– Да ну? – удивился я. – Ты раньше не рассказывал. А как дело было?

– Да с дедом я не знаю как, а Антон коней пасти нанялся. Мы ж не в колхозе были, надо было как-то жить. Вёрхи сидел, а тут тучки нагнало враз, да и шарахнуло. Коня убило, а ему ничего. Ну, тоже так, полежал трохи. Какая-то баба видела, людей позвала, его и отнесли домой. Бабка-знахарка его выходила. Врачей у нас тогда близко не было.

– Но он же всё равно погиб?

– То уже потом, года через три убили его. Молния пощадила, а люди нет...

Марина, слышавшая наш разговор, едва заметно напряглась, но ни слова не сказала. Вскоре отправила батю домой на такси и вернулась в палату.

– Я сейчас с твоим доктором говорила, – сообщила она.

– И что?

– Сказал, жить будешь, – улыбнулась девушка.

– А зачем, не сказал? Ну, так, в философском смысле...

– Если ты такой глупый, то какой смысл тебе говорить? В философском, конечно, смысле, – передразнила Марина.

– Ну да, зачем, – ухватился я за эту мысль. – А они тут от глупости не лечат?

– Лечат.

– Ты смотри куда медицина шагнула!

– Могу даже рассказать как. Берётся третий том медицинской энциклопедии и резко прикладывается к больному месту. Можно несколько раз. И желание болтать глупости быстро проходит.

– Со мной такое не прокатит, я хроник. У меня это профессиональная болезнь.

– Вот поправишься – я тебе курс лечения устрою, если будешь кошунствовать.

– Тут главное с дозировкой не переборщить, – посоветовал я. И, выразительно глядя на Маринины выпуклости, добавил:

– Ну и витамины, конечно, необходимы.

– Мечтайте, пациент, мечтайте...

За несколько дней нашего совместного пребывания в больнице (а она в первые дни там и ночевала, пользуясь служебным положением) мы с Мариной так срослись душами, что окружающие принимали нас за семейную пару. Не было сказано никаких торжественных слов, но мы оба понимали, что уже не расстанемся. А слова будут сказаны потом, это формальность. И то ли от этого волнующего чувства, то ли в самом деле медицина делала своё дело, но поправлялся я быстрее, чем предполагали врачи. Мало того, вместе с постепенно возвращавшимся ко мне владением собственным телом пришло и какое-то новое ощущение. Как будто тело обновилось и стало намного энергичнее и сильнее. Я чувствовал себя двадцатилетним парнем. Но если это чудо я тоже объяснял себе появлением в моей жизни Марины, то как объяснить, что пропала моя близорукость, я не знал. Врачам я про это не сказал, а сами они не спрашивали.

Дней через десять, окончательно убедившись, что со мной всё в порядке, Марина уехала обратно в Старокамьшин. А меня всё держали в больнице. Стало скучно.

Правда, я слегка прославился. Медсестра Наташа (почему-то в больнице обе посменно заходивших в нашу палату медсестры были Наташами) принесла мне местную газету:

– Вот тут про вас написали!

И действительно, в заметке под заголовком «Родился заново» сообщалось, что Сердюков А. С., экскаваторщик ДРСУ, спасая свою технику от грозы, попал под удар молнии. Благодаря грамотным действиям заведующей Старокамышенским ФАП Зеленченко М. П., оказавшей ему первую помощь, был доставлен в больницу на вовремя прибывшей «скорой» и сейчас его состояние не вызывает беспокойства у врачей. «Как будто они бы сильно беспокоились, если бы я умер», подумал я. Ну, кроме Марины, конечно. Закончил автор назиданием населению, что во время грозы под молнию соваться «категорически запрещается». Почему-то вспомнилась другая заметка – про то, как некий О. Бендер попал под лошадь.

Друзья детства, кто оставался в городе, не навещали. Многие даже не знали, что я вернулся. Да и я встреч особо не искал – хвастаться было нечем, а плакаться в жилетку стыдно. На работе близко познакомиться ни с кем не успел, оттуда ко мне только главный механик захаживал. В первый раз спросил, как дело было, а во второй обрадовал предложением уволиться по собственному. Против чего я и не возражал, понимая, что работа моя кончилась. Экскаватор теперь, если и будет работать, то только после полной разборки и промывки или замены всех залитых глиняной жижей узлов. Эту трагическую картину Паша представил мне очень ярко и компетентно. Правда, после того, как я написал заявление, мне на карту капнула сумма, равная моему двухмесячному жалованию. Я оценил благородный поступок бывшего начальства и решил навсегда сохранить о нём хорошее мнение. Позвонил начальнику, поблагодарил и сказал, что если буду нужен – я готов. Но мы оба понимали, что нужен не буду. Работу предстояло искать новую.

И вот когда я уже совсем перестал думать о дорожном строительстве и настроился на новую жизнь, прежняя жизнь меня догнала. В палату заглянул солидный человек и спросил, кто тут Сердюков. Это был я.

– Корреспондент журнала «Дорожное строительство», Васильев Евгений Фёдорович, – представился он. – Могу я с вами побеседовать? Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, прекрасно. Проходите, – пригласил я, поднялся и передвинул от соседней кровати единственный в палате стул для посетителей.

– Андрей, если не ошибаюсь? – уточнил корреспондент. – Мне поручили написать о вашем поступке, Андрей.

– О каком именно? – решил я слегка поприкалываться над коллегой, который вёл себя совсем не как журналист. Слишком уж натянуто, официально (возможно, недавно в профессии, подумалось мне). – Я в своей жизни совершил немало достойных описания поступков.

– Возможно, – сухо сказал странный коллега, – но меня интересует последний. Вследствие которого вы оказались в больнице.

– А, это..., – пренебрежительно махнул я рукой. – Тут просто досадная случайность. Природный, знаете ли, катаклизм. А что именно вам поручили написать, Евгений Фёдорович?

Тут мне пришло в голову, что своим трёпом я могу подставить бывшее начальство. А не хотелось бы. Всё-таки оно отнеслось ко мне по-человечески. Деньжат вон подкинуло. И вообще я хотел сохранить о нём хорошее впечатление, так что не надо позволять испортить его этому серьёзному гражданину. Если у него есть такое намерение.

Коллега внимательно посмотрел на меня и вдруг заметно преобразился.

– Да понимаете, случай-то очень нетипичный! – оживился он. – Особенно в наше время. Экскаваторщик бросается спасать технику, рискует жизнью...

«Ну, слава богу, – отлегло у меня, – не статья по технике безопасности. Хотя... профессиональный журнал должна была заинтересовать в первую очередь именно она». Всё-таки этот человек вызывал у меня какую-то настороженность. Уж не врёт ли он насчёт темы? Я и сам так иногда делал.

– Видите ли, я, конечно, пытался спасти экскаватор, но совсем не думал, что рискую жизнью. Максимум, что я предполагал – что намокну как цуцик. Я вообще-то грозы не очень боюсь. Так что о каком-то осмысленном подвиге даже неудобно говорить.

– Так и расскажите подробности. Что видели, что чувствовали.

– Да в том-то и дело, что ничего необычного не почувствовал. И видел мало – темно уже было. Я тогда уже спать лёг, а хозяйка дома со своей внучкой и ещё какой-то соседкой сидели на кухне. Проснулся от грома, слышу – дождь как из ведра. А в тот день мы до мягких почв дошли, глина кончалась. Призма обрушения – это само собой, я о ней свято помнил, но при таком дожде...

– Простите, какая призма? – переспросил коллега.

«Э, да ты, мужик, точно не из дорожного строительства», – зануло у меня где-то внутри. Или он, в самом деле, свежий человек, не в теме? Может, вот так же остался без работы и устроился по знакомству в журнал?

– Я имею в виду, что экскаватор стоял на положенном расстоянии от края выработки, но грунт был мягкий и под таким дождём он точно должен был поплыть, я это сразу понял. Потому и побежал отгонять его. Мне повезло, что женщины тоже на крыльцо вышли, молния меня прямо у них на глазах ударила, они меня и спасли. Ну, как спасли – в хату затащили, бутылками с горячей водой обложили и «скорую» вызвали. Я сначала даже ничего почти не почувствовал, сразу сознание потерял. Вот когда уже очнулся, тогда да – боль во всём теле, идти сам не мог, руки-ноги не слушались...

– А голова?

– Что голова?

– Ну, всё соображали? Ничего не мерещилось?

«Фигасе, что его интересует!» – мелькнула у меня мысль где-то на заднем плане сознания.

– Голова болела тоже. Но не больше, чем остальное, – я заставил себя представить картину той ночи, но не всю, а с некоторыми купюрами. Вот я лежу в грязи под дождём, вот меня тащат Демьяновна с Мариной, а вот уже и «скорая»... Когда сам мысленно видишь то, что хочешь сказать, легче скрыть то, что было на самом деле.

– Андрей, а вы местный житель?

– Ну да.

– И родились здесь?

– В этой самой больнице. И школу здесь закончил. В армию ходил. А после армии здесь же начал работать в ДРСУ, но не в этом. Был машинистом катка. Правда, потом несколько лет жил в других краях. Так судьба сложилась, – подытожил я, заметив, что он думает о чём-то своём.

– Понятно...

Корреспондент снова стал отстранённо-прохладным, будто потерял к моему рассказу интерес.

– Но вы не жалеете, что так поступили? – наконец, придумал он, чем закончить разговор. – Если бы ещё раз такое случилось...

– Да я уже уволился, – прервал я ненужные формальности, – так что, надеюсь, спасти экскаваторы мне больше не придётся. Жаль, конечно, что работы не стало, она мне нравилась, но как-нибудь перекантуюсь, не впервой.

Странный коллега наскоро попрощался и вышел из палаты, но не из моей головы. Вроде бы ничего лишнего я ему не сказал, но чувство тревоги меня не покидало. Помыкавшись по коридору и раза три сходяв покурить на скамейку в больничный двор, я позвонил Марине и вкратце рассказал о визите. Мне не хотелось выглядеть в её глазах каким-то параноиком, поэтому я сначала решил о своей тревоге не говорить.

– Так что меня теперь будет знать не только весь район, а всё дорожное строительство, – с наигранным весельем закончил я. – Среди героев наши имена! Вот я у тебя кто.

Но она, видимо, тревогу почувствовала в моём голосе.

– Тебе кажется, что с этим корреспондентом что-то не так? – серьёзно спросила она.

– Честно говоря, да. Меня, как того Буншу, «терзают смутные сомнения».

– А что тебе показалось сомнительным?

– Да то, что мужик не знает простых терминов, хотя работает в специальной прессе. Это раз. Фотоаппарата не было. И потом, его больше интересовали не производственные дела, а мои ощущения от молнии. И галлюцинации. Такое впечатление, что он искал что-то такое, что к самой ситуации не относится. Да и вообще он на журналиста не сильно похож. Что я, журналистов не видел?

– О галлюцинациях он прямо так и спросил?

– Не прямо так, но спросил, не мерещилось ли мне что.

– И что ты ответил?

– Ничего. Не стану же я ему пересказывать...

– Всё, давай потом об этом. Тебя выписывают через неделю, но я попрошу Юрия Владимировича, чтобы сегодня или завтра – под моё наблюдение, хорошо?

– Ещё и как хорошо! – обрадовался я. – Я тебя тоже с удовольствием понаблюдаю. А то уже соскучился.

Выписали меня через полтора часа. Я навесил отца, завёз ему продуктов, купленных на премиальные деньги, одел свои лучшие белые штаны и такую же майку, избранную года два назад в секонд-хэнде за совершенно немыслимую в отечестве прочность не в ущерб нарядности. В гараже пылился мой старенький «Плимут вояджер». Хорошо было бы заехать не только на заправку, но и на мойку, но я только наскоро пробежался по его бокам и стёклам тряпкой – не терпелось увидеть Марину.

В Старокамьшин я не приехал – примчался. На этот раз не забыл ни о хорошем (судя по этикетке) вине, ни о доступных мне вкусняшках. Даже букетик роз подхватил возле уже опустевшего центрального рынка. И полдня простоявшая с ними тётка, которая наверняка уже думала, что зря стояла, завистливо смотрела на меня: день-то будний, время рабочее, а раз цветы – особый случай.

Конечно, особый! Не зря ты, тётка, стояла – мои это были цветочки! Первый раз я ехал в этот хутор на свидание не с экскаватором, а с женщиной, ставшей мне дорогой. А может, уже и любимой – разбираться в этих нюансах мне не очень-то хотелось, сам факт был важнее.

Марина встретила меня в центре хутора, на пустынной, изнурённой жарой и пылью площади. Хотел было поцеловать, но она стыдливо увернулась:

– Люди же...

– Где?! – чуть ли не крикнул я в отчаянии, обводя глазами абсолютно необитаемое пространство. – Ни единой души!

– Не знаешь ты наших людей! Они всё видят.

– Паррртизанен! – прорычал я, свирепо озираясь. – Буду резайт и немножко убивайт.

Но тут и впрямь в дверях расположенного напротив магазина появилась продавщица, которой срочно понадобилось выплеснуть воду из кружки, а в окнах хуторской администрации, не подававшей до того признаков жизни, началось интенсивное движение занавесок.

Медпункт был рядом, мы пошли туда вместе, так как ей ещё полчаса надо было работать. И я мысленно пожелал всем хуторянам доброго здоровья – чтобы кто-нибудь не припёрся в конце дня. Но поскольку букет был неосмотрительно извлечён и вручён девушке, уже через пару минут пошёл поток посетительниц. Особо деликатные догадались сказать, что за анальгином, а остальные не стали парить мозги – просто зашли.

– Ну всё, смотрины состоялись, репутация твоя подмочена необратимо, можно целоваться, – сказал я, когда Марина закрыла, наконец, медпункт.

– Давай, – согласилась она.

И мы публично заявили о своих отношениях таким страстным поцелуем, что, надеюсь, сорвали бурные аплодисменты за занавесками.

– Давай к бабушке заедем, – попросила Марина. – Поздороваешься. И сумку твою забереём.

– Маслица-творожку?

– Ага, – обречённо кивнула она. – Без этого не обойдётся.

– Так оно и хорошо. Я прожорливый.

– Ты корыстный! А она, между прочим, за тебя переживала всё это время.

– И я за неё. Где ещё я таких вареников поем? – вздохнул я и получил букетом по лбу.

Возле хаты Демьяновны стояли две машины, свежая хёндайка и старый ржавый «Москвич».

– Блин, да тут, похоже, за творожком придётся очередь занимать! – удивился я. – Парковка хоть бесплатная? Безработным скидка есть?

– Дуракам скидка. С тебя, нищоброта, вообще не возьмут пока, – смиловилась Марина. – Это, наверное, больные.

– Вот это разумно! – похвалил я. – Здоровые ездят в медпункт с цветами, а больные – к бабушке.

– Не вздумай только там при людях зубоскалить, – предупредила Марина.

На брёвках, где мы с Мариной беседовали в тот памятный вечер, расположились бабкины пациенты – пожилой мужик, куривший папиросу, и молодая семья с девочкой лет трёх, вяло привалившейся к папе. А посреди кухни застали такую картину: Демьяновна стояла на коленях перед тазиком с водой, в которую опустил одну ногу пацан лет восьми, и что-то громко шептала, легонько поглаживая щиколотку. Кость на щиколотке неестественно выпирала вбок, нога казалась сильно распухшей. За столом благоговейно молчала пожилая женщина. Жена того мужика с папиросой, догадался я.

Мы тихонько пробрались в большую комнату, где я когда-то пытался переночевать, и наблюдали за происходящим оттуда. Закончив шептать и водить пальцами по больной ноге, Демьяновна ласковым голосом сказала:

– Давай, выймай ножку, дитынка.

И таким же голосом женщине:

– Платочек дай-ка мне.

Та подала ей большой носовой платок, который Демьяновна, снова что-то прошептав, накрест завязала на ноге мальчика.

– Вставай, дитынка, на ножку. Только пока тихонько.

– Больно будет, – захныкал пацан.

– Нет, уже не будет больно. Ну может чуть-чуть. Так ты ж в футбол пока не играй и с кручи больше не прыгай.

Пацан со страхом ступил перевязанной ногой на «дорожку», осторожно перенося на неё вес тела.

– Вот и хорошо, иди к бабушке, – подбодрила Демьяновна.

И он, слегка прихрамывая, прошёл несколько шагов к женщине, на глазах которой проступили слёзы.

– Два дня ещё подождите, всё и пройдёт. На руках не надо его носить, он уже и сам может. Эгэ ж, Витёк?

– Могу! – удивлённо и радостно ответил пацан. – Бабуся, совсем не болит!

Бабушка мальчика суетливо полезла в кошелёк, но Демьяновна решительным жестом пресекла:

– Ивановна, ты ж знаешь! Нельзя!

Бабка с внуком вышли и вскоре с улицы донеслись судорожные сморкания москвичёвского стартера, с третьей попытки запустившего мотор. Демьяновна с тазиком вышла вслед за ними, и минуты три её не было.

– Это что сейчас было? – спросил я, поражённый увиденным. – Он что, не ходил до этого?

– Да с кручи прыгнул неудачно, вывихнул сустав. Тут бы и я справилась, но меня ж две недели не было – с тобой в Мельниково сидела. И родители сразу повезли его туда же, в больницу. Там посмотрели, погрели, и назад. И так через день они с ним туда ездили. Безо всякого результата. Мальчик на ножку ступить не мог. Вот бабка с дедом и привезли сюда.

– Но как?! Я видел костоправов, они реально вправляют вывихи, особенно свежие, но крутят и дёргают конечность, пациент орёт как резаный. А тут и кость не вправила, и боль прошла!

– Кость через два дня будет на месте. Сама встанет, зачем крутить?

– И ты так можешь?

– Я ж её внучка – конечно, могу. Не всё могу, что она, но многое. Зато кое-что могу, чего она не может. Я же врач? – она с хитрой улыбкой посмотрела на меня.

Демьяновна вернулась с молодой семьёй. Но для нас кино кончилось.

– Посидите во дворе, – сказала нам бабка, и пришлось ждать окончания приёма на брёвнах.

А я и не расстроился. Мои душа и тело жаждали совсем других впечатлений, нежели чьи-то вывихнутые ножки и всякие другие неприятности. В больнице я и так этого насмотрелся на год вперёд.

Мы сидели на брёвнах, Марина прижалась ко мне, а я обнял её плечи. С нашего места, освещённая клонившимся к закату солнцем была прекрасно видна западная сторона злополучного глиняного холма, поросшего невысокими и частью уже выгоревшими степными травами – «святого места». И мы оба на него смотрели, но думал я, естественно, не о холме, а о Марине. Холм же просто мозолил мне глаза, пытаясь отвлечь от более приятных мыслей. И только ради того, чтобы он отвязался, я спросил:

– А что там за камни наверху торчат?

– Я думаю, они когда-то были ритуальными, – ответила девушка. – Бабушка мне что-то такое рассказывала. Наверное, что-то вроде капища. По крайней мере, само место не каменистое, ветром их сюда занести тоже не могло.

По интонациям её голоса я понял, что она тоже думала не о холме и не о камнях.

Демьяновна, отпустив пациентов, заставила нас перекусить хотя бы наскоро, нагрузила Марину харчами и больше не стала задерживать. И мы, наконец, отправились в Маринин коттедж.

Домик и в самом деле был неплох для сельского жилья. Большой семье в четырёх комнатах было бы тесновато, а для двоих это был просто рай. Хотя в тот вечер раем для нас был бы и шалаш, и даже его отсутствие. И была поистине райская ночь. Некоторым сюрпризом для меня оказалось то, что я у Марины был первым мужчиной. Это в наше-то раскрепощённое время! Впрочем, что-то такое я и предполагал. Мне уже попадались девушки такого типа – не то, чтобы замкнутые, но и не особо контактные. Пара обломов по молодости была. Но если бы оказалось и не так, счастье не стало бы меньшим. Про вино и прочие гостинцы, которые я привёз из Мельниково, мы вспомнили ближе к утру, когда уже стало светать. Да и тогда не стали на них особо отвлекаться.

– На работу как не хочется... – вздохнула Марина, когда уже совсем рассвело и неумолимое солнце осветило кухню, где мы пили кофе.

– Сегодня же пятница, – стал я искать лазейку в трудовом законодательстве, – короткий день. Может, ну её нафиг, твою работу? Имеешь ты право сама заболеть, например? В крайнем случае, прибегут сюда, если кому срочно.

Она одарила меня любящим, благодарным и сочувственным одновременно взглядом:

– Нет, придётся идти. Хотя сегодня и правда короткий день.

Часам к девяти, когда Марина уже ушла в медпункт, я привёл себя в порядок и вышел во двор. Времени было навалом, я решил разобраться, наконец, со стояночным тормозом. Достал чемоданчик с ключами, стал разбирать панель в кабине, и тут услышал нетрезвым голосом произнесённое:

– Э, мужик!

Ну вот, началась смывка города с деревней. Не отвечая, я продолжал откручивать саморезы, но краем глаза посмотрел на визитёра: типичный алкаш в вылезшей из штанов грязной рубашке в клетку хватался, чтобы удержать равновесие, за штaketник. Общаться с местной шантрапой мне сейчас хотелось меньше всего. Может, пойдёт себе дальше?

Но алкаш оказался настойчивым:

– Ну ты шо, глухой? А, мужик?

Пришлось отложить отвёртку и выйти на улицу. Дружить я с ним не собирался, таких отшивать надо сразу.

– Чё ты тут орёшь? – рявкнул я на болезного. – И лапы с забора убери. Завалишь.

– Бз прблем! – алкаш закачался отдельно от штaketника и показал мне обе ладони. – Ты... это... На ы`скваторе ты был? Ну, шо завалился – ы`скватор?

– А тебе какое дело?

– Знач ты, – сделал вывод алкаш. – Дай на фанфурик, а?

– Тебе как – вежливо дать или понятно?

– Ты не понял, мужик! Я не прошу! Ты мне на фанфурик, а я тебе – `нформацию. Всё по чесняку.

– Какую нах информацию! Иди домой.

Алкаш сокрушённо вздохнул, выразив этим, что какие же тупые бывают люди – не понимают очевидных вещей! Что-то вроде того. Минуту он думал, и я уже собрался вернуться к машине, когда он выдавил:

– `нформация ж про тебя!

– Про себя я и так всё знаю. Гуляй дальше.

– Не! Не всё! – убеждённо заверил меня алкаш. – Такие люди пр`зжали!

– Какие такие?

– Сурьёзные.

– Ага, и привезли тебе информацию. Ты тут кто, начальник штаба?

– От ты дурнэ! – огорчился он. – Я, може, тебе жизнь спасу.

Ну что ж, он меня заинтересовал.

– Давай быстро, коротко и по делу.

– Так слухай. Были тут... вроде как начальство – не начальство, бандиты – не бандиты...

А главный их сказал, – алкаш поднял вверх палец, – шо если ты тот, то тебя надо грохнуть.

– Какой тот?

– Ну, шо бугор охраняет!

– А я тут при чём?

– Так они ж про тебя! На ы`скваторе ж ты? Или не ты?

– Был я, а теперь не я.

– Ну! – обрадовался алкаш, что не ошибся. – А я про шо? Так и говорили, что тот, шо на ы`скваторе, и есть. Знач, ты бугор и охраняешь! И я смотрю – ты тут. Знач, думаю, охранять приехал.

– Мои бугры вон в медпункте работают, – кивнул я в сторону площади. – Нахрен мне ваши охранять?

– Гы-ы, – заулыбался алкаш. – Маринка, штоль, Зеленчихина внучка? Они ж и про неё говорили. Тока я не запомнил. Шось такое... Не, не помню.

– И они так при тебе и говорили?

– Ну да! Тока они меня не видали. Я там в кустах... отдыхал.

Если это не было правдой, то и не было лишено логики. Вряд ли алкаш нагло врёт, решил я.

– Так шо, по чесняку? – напомнил он.

– Сколько тебе надо?

– Ну... рублей сто. Ладно, восемьсят.

– На пиво?

– Ты шо, якэ пиво! Самогона у Мани-кацапки возьму. Може, на двоих?

– Не, я не пью, – отказался я, вручая ему сотню. – Мне ещё бугор охранять.

Алкаш сочувственно развёл руками и поковылял куда-то в хуторские дебри. А я, вернувшись к машине, всерьёз задумался. Что за хрень тут творится с этим бугром? Золото там, что ли, закопано? А если и так, зачем кому-то именно меня убивать? Выкопали и всё. Я же сюда не за чужим приехал. Надо бы Марине рассказать, может она поймёт?

До ручника я снова не добрался. Быстренько закрутив на место саморезы, я закрыл машину, дом и отправился на площадь.

Стоявший возле медпункта чёрный джип я заметил издали. Сердце тревожно забилося, внутри похолодело, и я рванул бегом. И только когда оказался у входа, обратил внимание, что перед джипом стоит очень знакомый мне тёмно-зелёный «опель». Пока бежал, мне его не было видно. Паша, механик ДРСУ!

Я влетел в медпункт, готовый разорвать любого, кто причинит Марине хоть какой-то вред. Ни автоматы, ни даже гранатомёты меня бы не остановили. На меня удивлённо уставились сидевшие в приёмной Паша и ещё двое незнакомых людей вполне мирного вида, в наглаженных кремовых брюках и таких же светлых сорочках.

– Где Марина?! – набросился на них я, прежде чем успел оценить ситуацию.

Возникла неловкая пауза. Наконец Паша обрёл дар речи:

– А ты как тут оказался?

Я не ответил и вломился в рабочий кабинет. На кушетке лежал красномордый толстяк в расхристанной рубашке, с резиновым жгутом на руке и страдальческим выражением лица. Марина делала ему укол в вену. Она даже не шевельнулась в мою сторону, пока не ввела всё содержимое шприца. А потом сердито повернулась:

– Выйди пока, тут нельзя находиться.

Твою мать! Выходить было стыдно. Но пришлось. Паша, наверное, успел сказать незнакомцам, кто я такой, они смотрели на меня, как на психа. В том числе и сам Паша.

– Так ты чего здесь забыл? Ты ж в больнице должен быть!

– Выпустили уже, – буркнул я, садясь на свободный стул. – Я теперь по своим делам.

Люди в светлом опасливо отжались подальше.

– И что за дела, если не секрет? – ехидно спросил Паша.

– Вот эти самые дела, – кивнул я на рабочий кабинет Марины.

– Когда ж ты успел? – не унимался он.

– Вот такие мы шустрые, – сказал я. – Учись.

– Ну а орать-то зачем? – подал голос один из посетителей, уверившись, что я всё-таки не буйный. – Мы твою Марину не съедим. Тут медпункт, между прочим. И человек в опасном положении.

– Извините, конечно, – пошёл я на примирение. – Я не знал, что тут пациент. Там её соседке стало плохо. Давление, что ли... Срочно нужна её помощь.

Последние слова я сказал как раз тогда, когда Марина вышла из кабинета.

– Зинаиде Матвеевне? – быстро сообразила она. – Сейчас соберусь. Вы лежите пока, не вставайте – обратилась она к толстяку, – я на десять минут, капельницу только поставлю.

Она бросила в медицинскую сумку какие-то лекарства и халат:

– Пошли.

Скорым шагом мы отошли от медпункта достаточно быстро, но Марина продолжала чуть ли не бегом двигаться к дому.

– Да ладно, не торопись, – притормозил я её. – Нас уже не видно.

– И что? Она же ждёт!

– Так что, правда Зинаида Матвеевна есть?

– Ну да, учительница моя бывшая. Теперь живём рядом. У неё гипертония.

– Марин, я соврал. Просто испугался за тебя. Смотрю, машина чужая...

– Ну ты дура-а-к, – ошарашенно протянула она. – У меня самой чуть инфаркт не случился, когда ты в приёмной начал орать: «Где Марина?! Где Марина?!». И что теперь делать? Пошли уже, навещу её, раз вызвал. Тут рядом.

Мы подошли к обсаженному сиренью домику.

– Мариночка! Мариночка! – выбежала оттуда тощая седая старушенция. – А я как раз за тобой! Зинаиде опять плохо!

Марина сердито посмотрела на меня:

– Накаркал?

– А я откуда знал? Я про неё первый раз от тебя услышал!

– Вот видишь? Хорошо, что вовремя накаркал. Иди теперь домой и больше так не врывайся.

– Я лучше с тобой посижу. Можно?

– Если только в приёмной...

Я покурил на лавочке между кустов сирени и Марина вскоре действительно вышла вместе с той старушенцией – сестрой учительницы, как оказалось. Дав старухе какие-то указания насчёт больной, Марина так же скоро отправилась обратно в медпункт. Я пошёл рядом.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказал я. – Заходить пока не буду, а когда эти уедут... а кстати, когда они уедут?

– Посмотрим по состоянию. Дядька с инфарктом. Полез на горку – глину, между прочим, смотреть – сердце не выдержало. Видимо, придётся «скорую» ждать из города. Что-то я боюсь его отправлять на их машине.

– Вот как раз про глину я и хотел тебе кое-что рассказать.

– Ну, подожди пока, отправлю его – поговорим.

Два часа, которые пришлось мне слоняться вокруг медпункта, показались вечностью. Хорошо ещё, что на площади нашлись две скамейки – изломанные и исписанные местными вандалами, но ещё не до конца уничтоженные. Одна даже была в тени. Я выпил бутылку колы из местного магазина, скурил полпачки сигарет, пока, наконец, увидел ехавшую со стороны Мельниково машину с красным крестом. Товарищи по работе суетливо выкатили толстяка из медпункта и помогли санитару втолкнуть каталку в заднюю дверь «скорой». Караван из трёх машин двинулся в Мельниково, а Марина приглашающе махнула мне рукой. Наконец-то!

– И что всё это значит, как думаешь? – спросил я, рассказав Марине про визит нетрезвого хуторянина. – Сначала этот странный корреспондент, потом алкаш со своими нечаянными наблюдениями...

– Ладно, давай уж действительно сначала, – она сказала это так, как будто приняла какое-то решение. – Помнишь своё видение, когда тебя молнией ударило?

– Как сейчас.

– Хочешь, скажу, что ты видел?

– Я тебе так и не рассказал.

– И не надо было. С тобой говорил странный старик высокого роста с седой бородой, так?

– Ну да, – опешил я. – Ты откуда знаешь? Я бредил?

– Нет. Это бабушка тебя первая заметила. Показала мне, и я тебя *почувствовала*. Ты тот, кто нам нужен, чтобы защитить Источник. Не перебивай, дай досказать. Если бы я ошиблась, если б ты оказался не тем человеком, тебя молнией могло и убить. Поэтому я так испугалась тогда за тебя. Мог, конечно, и выжить, но тогда никакого видения тебе бы не было. Или увидел бы действительно какую-нибудь галлюцинацию – при поражении молнией дело обычное. А это даже не видение было, но будем пока называть это так. Я сомневалась потому, что тебя в этих краях быть не должно. Ты немного не такой, какой должен быть здесь, но это даже лучше.

– Так что, молния была специально мне предназначена? – поразился я.

– Это и не совсем обычная молния была. Не случайная. Да, специально тебе. Такой способ представить тебя богам.

– Кому?! – мне показалось, что она бредит. – Вы, сударыня, «Войны престолов» не просмотрели часом? Хотя я тебя буду любить даже в психушке, не отвяжешься.

– Вот говорю же – дослушай! – с досадой сказала Марина. – Я и так стараюсь изо всех сил, чтобы получилось понятно тебе, непосвящённому. Не сбивай меня!

– Всё, молчу. Продолжай.

– Там тебя должны были проверить ещё раз. Я тебе говорила в тот вечер, что могу доказать, что боги есть, да ты не обратил внимания. Ну вот, ты с ним пообщался. Убедился теперь?

Я вспомнил, что в моём видении рука у старика была тёплой, какой и должна быть у живого существа, и вспомнил то ощущение реальности происходившего, что не покидало меня, несмотря на всю фантастичность обстановки.

– И кто это был?

– Я не знаю, кто с тобой говорил. Меня же там не было. Но думаю, что Род.

– А второй?

– Их там было двое? – у Марины даже брови взлетели от удивления.

– Ну да. Был ещё один, помоложе. Лет пятидесяти. То ли в скафандре, то ли в каких-то доспехах. Блондин. Я не сильно-то рассмотрел, там такой яркий свет был, что детали в нём терялись. Ну и вообще, так всё странно было... Но лица я запомнил. И тёплую руку.

– Ты к ним прикасался?

– Ну да. Просто поздоровались за руку. Обменялись рукопожатием.

Удивление не сходило с её лица.

– А... что они сказали?

– Да ничего существенного. Старик назвал меня воином. Я сказал, что он, наверное, ошибся, принял меня за кого-то другого. А он сказал, что нет, мол, всё правильно, он по крови как-то там определил. А второй вообще ничего не говорил.

– Поразительно! Ты ЕМУ возражал!

– А что такого? Я же действительно никакой не воин. Мало ли, ошибся человек.

– Ты воин. Из рода воинов. Это даже я почувствовала. А они не ошибаются.

– Ну ладно, и что всё это значит? Я теперь должен ваш глиняный бугор сторожить, что ли? Давай уж досказывай.

– Даже не знаю, с чего начать. В общем, если коротко... Это не глиняный бугор. Это Источник. И его хотят разрушить.

– Погоди, источник чего? Воды там нет. Нефти, я думаю, тоже нет. Чего же источник?

– Энергии! Я тебе потом расскажу, что сама знаю, о том, как мир устроен на самом деле, ты поймёшь. А пока просто ты должен знать, что *Другие*, не наши боги, пытаются этот источник или разрушить, или захватить себе. Я ещё сама не поняла. И его придётся защищать!

Я собрал всю свою деликатность, чтобы не обидеть её недоверием. Может, это какие-то ролевые игры? Хотя молнией меня шарахнуло по-настоящему. И к привидевшемуся мне отношению было очень неоднозначным. Так и осталось ощущение *нереальной реальности*, а не наоборот.

– Марин, тут вот такая проблема. Допустим, так и есть. И боги, и силы, и защищать надо. Хотя, честно говоря, всё это выглядит как не слишком умная шутка. Но – допустим! Только сама подумай, какой из меня защитник? Во всех таких историях – самых правдивых, разумеется, – не удержался я от иронии, – воинами, защитниками, джедаями и прочей фантастической вохрой становятся кто? Бывшие спецназовцы – ребята, прошедшие огонь и воду, стреляющие без промаха из всех рук и ног в любом положении тела. Терминаторы просто! Я хоть чем-то на них похож? Где логика? У меня только что пропала близорукость минус три диоптрии, может, ещё вернётся. И два года службы авиамехаником в армии. Я за всю службу из автомата стрелял три раза. Мог бы четыре, но один раз был в наряде и в стрельбах не участвовал. Защищать ваш Источник – большая честь, но для меня слишком большая. Я по другой части. К великому, конечно, сожалению.

Марина слушала мою речь и улыбалась как ребёнку.

– Вот что получается, – сказала она в пространство, – когда пытаешься объяснить самые простые вещи непосвящённому. Андрей, тебе не придётся стрелять из автомата. Хотя, если хочешь, то стреляй. Пока не надоест. Тех, с кем нам предстоит сражаться, ты автоматом даже не напугаешь. Но и тебе никакие автоматчики не смогут причинить вреда. Из какого бы положения они не стреляли. Тут совсем другой уровень, другое оружие. Разве бог, который говорил с тобой, ничего не сказал?

– А, ну что-то он говорил такое, – припомнил я. – Будто я что-то получил и надо постараться использовать это разумно. Кажется, так. Только всё, что я с тех пор получил – две зарплаты при увольнении. Спасибо, если это он посодействовал. Пока я использую их разумно – вино вроде бы настоящее. Но если кто-то сдуру влепит мне пулю в лоб, думаю, что даже твоя бабушка не поможет. Так что держать оборону на безымянной высоте под кодовым названием Источник мне нечем. И это наводит меня на мысль, что моё видение было всё-таки именно видением, галлюцинацией. И что ты всё-таки ошиблась, если увидела во мне больше, чем я есть на самом деле.

– Кроме этого тебя ничто не останавливает? Более серьёзных причин отказаться у тебя нет?

– А эта недостаточно серьёзная?

– Конечно! Это от незнания. От того, что ты ещё глуууупенький.

Игривое настроение девушки казалось мне неуместным, но она мне в таком настроении нравилась ещё больше.

– Хорошо, командир, где мне получить свой бластер и подсумок с антиматерией?

– Вот закончу работать и пойдём, я тебе всё выдам, – пообещала она, переводя взгляд на входившую в медпункт тётку. – Может, подождёшь меня на лавочке? Или домой иди, чего тут сидеть?

Возиться с каким-то ручником мне давно расхотелось, да и тревога в душе не проходила. Правда, я уже сам не понимал, что меня тревожит – то, что сообщил алкаш, или вся эта чертовщина в целом? Марина при всей нетипичности своего воспитания не была похожа на безбашенную фантазёрку, каких обычно похищают инопланетяне, а потом разочарованно возвращают скучающему человечеству. Для розыгрыша тоже было слишком – кто я такой, чтобы мне

такие розыгрыши устраивать? И я решил, не выпуская медпункт из поля зрения, дождаться её, а заодно осмыслить ситуацию. Последнее мне так и не удалось.

Тем не менее, заветный час пробил, она закрыла медпункт и вскоре мы были «дома». Входя в дверь, поймал себя на мысли, что уже воспринимаю её дом как наш. Быстро она меня одомашнила! Впрочем, я и не упирался.

Перекусили тем, что нашлось в холодильнике. Марина взялась «быстренько помыть тарелки», добавив, что не любит оставлять невымытую посуду. Я пошёл в комнату, хотел было включить телевизор, но внимание привлёк стоявший на журнальном столике чёрный пластмассовый шар. Внутри плавал кубик с ответами на все вопросы – гадательная игрушка для наивных девочек. Погружённый в свои раздумья, я встряхивал шар и смотрел, как кубик поворачивается разными сторонами и выдаёт разные ответы.

– И что нагадал? – раздался голос неслышно подкравшейся Марины.

– «Духи говорят да», – прочитал я очередную надпись. – Ну как, объяснишь ты мне что-нибудь?

– Не-а, – дразня, pokrутила головой она. – Не объясню!

– Почему?

– Да потому, что я от тебя с ума схожу! – выдала Марина и, обвив руками, повалила меня на диван.

Одними шутками такие нападения не заканчиваются...

Олег Виленович Карпов заехал в Учреждение прямо с аэродрома. Несколько минут посидел в своём удобном кресле, просмотрел сложенные в папку бумаги, пришедшие, пока его не было. Ничего особенного. Нажал кнопку под столешницей и через считанные секунды в бесшумно открывшейся двери появился молодой стройный секретарь в безукоризненно выглаженной форме.

– Вот что, Володя, – сказал ему шеф, – я что-то подустал после перелёта, поеду-ка на массаж. Найди Варенцова, он знает, куда везти. Если что – позвонишь. Ничего же срочного сейчас нет?

– Ничего, Олег Виленович. Официально вы ещё в командировке.

– Ну и хорошо.

Через полчаса неброская, но очень комфортная и специально тюнингованная иномарка представительского класса въехала на подземную парковку в цокольном этаже высотного здания и затерялась среди других авто, примерно равных ей по достоинству, но сильно уступающих по всем остальным параметрам. Капитан Варенцов, совмещавший функции шофёра и телохранителя, вышел первым, быстро оглядел помещение и открыл дверцу шефу. Проводив его до лифта, у которого прохаживались два крепких охранника, он вернулся в машину.

На нужном этаже Олега Виленовича встретила китайка, одетая в длинное национальное платье – белое с нежно-розовым. С платьем прекрасно гармонировал бейдж в форме лотоса с иероглифами ###. Невысокая девушка казалась беззащитной и хрупкой, как статуэтка из тончайшего фарфора, однако Олег Виленович прекрасно знал, что это телохранительница, которая может стоять взвода хорошо обученных бойцов. Скользя взглядом по лицу гостя, она слегка поклонилась, сложив на груди руки, попятилась и жестом пригласила его пройти, ни единым движением не нарушив едва заметной вежливой улыбки.

«Отсканировала не хуже электроники» – подумал Олег Виленович, пока шёл за ней по коридору.

Массажный кабинет существовал на самом деле, но его провели в другую комнату. Тут были свои правила. Дверь перед ним распахнули чудно наряженные китайцы, и дальше от важности Олега Виленовича не осталось и следа. Он вошёл, согнувшись в поклоне.

Хозяин кабинета сидел на невысоком стульчике из тёмно-красного дерева, богато украшенном резными узорами и золотом. Это был молодой китаец, почти юноша, одетый в свободный шёлковый халат с вышитыми золотой ниткой иероглифами и узорами. Окна в кабинете были задрапированы столь же узорчатой плотной тканью, а неяркий мягкий свет лился из единственной лампы, расположенной где-то за спиной китайца – в полупрозрачных складках свисавшей с потолка до пола занавески. Минуты две юноша ещё смотрел в пол перед собой, будто додумывал какую-то мысль, и всё это время Карпов стоял, согнувшись в поклоне. Наконец, китаец додумал, что хотел и обратился к нему на чистейшем русском:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.